

Андрей Шарый
Ярослав Шимов

Австро-
Венгрия

СУДЬБА
ИМПЕРИИ
обновленное
и дополненное
издание

Андрей Шарый

Австро-Венгрия: судьба империи

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 94(100-87)

ББК 63.3(4)

Шарый А.

Австро-Венгрия: судьба империи / А. Шарый — «Азбука-Аттикус», 2019

ISBN 978-5-389-15297-7

«Австро-Венгрия: судьба империи» — увлекательный рассказ о чрезвычайно пестрой и удивительно интересной стране, своего рода европейской Атлантиде, известной российскому читателю гораздо меньше, чем она того заслуживает. Державы Габсбургов давно нет на картах, Первая мировая война уничтожила эту, пожалуй, самую уютную в истории империю, но накопленный ее народами опыт сосуществования до сих пор актуален для Центральной Европы. Данное издание книги, дополненное впечатлениями авторов от встречи с главой императорского дома Карлом фон Габсбургом, материалами из новых путешествий по бывшим территориям Австро-Венгрии и анализом тематической литературы последних лет, подтверждает: и в сегодняшнем дне отзываются ушедшие времена.

УДК 94(100-87)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-389-15297-7

© Шарый А., 2019

© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Неизвестная империя	6
I	18
Вена. Трон земли	41
2	62
Рождение монархии	63
Юность монархии	66
Зрелость монархии	71
Наследство монархии	76
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Андрей Шарый, Ярослав Шимов

Австро-Венгрия: судьба империи

© Шарый А., Шимов Я., 2010, 2019

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019 КоЛибри®

Неизвестная империя

Этот прохладный и пасмурный, но сухой, без снега или дождя, февральский уик-энд Карл фон Габсбург (он с детства привык называть себя именно так, без нагромождения пышных монархических титулов, которыми гордились десятки поколений его предков) провел в небольшом городке Корнойбург на левом берегу Дуная. Это почти что предместье Вены – от австрийской столицы даже на велосипеде ехать недолго, а машина по Дунайскому автобану домчит за считанные минуты, но жизнь здесь совершенно провинциальна. Жители Вены (да и не ее одной) наверняка причислили бы Корнойбург к разряду городов, в которых никогда ничего не происходит. На этот раз происходило, по крайней мере вечером в субботу: в пышном неоготическом здании местного магистрата Карл фон Габсбург, внук последнего австрийского императора и венгерского короля, давал *Kaiserball*, императорский бал. Ровно к восьми часам вечера к старой ратуше, самому монументальному сооружению Корнойбурга, подтягивались гости в костюмах, которые теперь принято считать маскарадными: элегантные дамы в пышных открытых платьях с меховыми накидками, представительные господа во фраках и цилиндрах, бравые офицеры в парадных мундирах.

Несмотря на то что Австрия уже сто лет как республика и монархические титулы здесь не в ходу, традиция императорских балов, с военными оркестрами в униформе времен Австро-Венгрии, страны, исчезнувшей с европейской карты век назад, жива и популярна. Такие мероприятия проходят прежде всего в тех городах, в которых когда-то были расквартированы полки императорской и королевской армии, и, конечно, любому из таких городов приятно иметь почетным гостем нынешнего главу дома Габсбургов. В этом давно нет никакой политики, скорее уважение к традициям и истории. Австрийской республике, вполне буржуазной на вид, но имеющей в качестве государственного герба орла, в чьих когтях рядом с разорванными цепями рабства – пролетарские серп и молот, ничто не угрожает. По крайней мере со стороны императорских балов.

Впрочем, до начала танцевального торжества в программе Карла фон Габсбурга имелся еще один пункт – согласованная по линии Панъевропейского союза, главой австрийского отделения которого является потомок императоров-королей, встреча с двумя журналистами, несколько лет назад написавшими о Габсбургах книгу на русском языке. Императорский внук давно привык к тому, что о его предках и их былых владениях то и дело публикуют исследования разного объема, глубины и качества. Но русский среди языков “габсбургской литературы” все же почти что экзотика, так что, надеемся, интерес к встрече был взаимным. Журналисты и отчасти историки – то есть мы, авторы этой книги, – в своих самых нарядных пиджаках, нацепив по такому случаю столь нелюбимые нами обоими галстуки, прибыли в назначенное время в назначенное место, в ресторан венской кухни на первом этаже здания того самого корнойбургского магистрата, чтобы застать потомка одного из древнейших родов Европы с аппетитом доедающим бифштекс. После бифштекса завязалась живая беседа, первый вопрос которой был предопределен происхождением собеседника:

Магистрат Корнойбурга. Фото. 2016 год
Bwag / Wikimedia Commons

– Вы когда-нибудь мечтали стать монархом Австро-Венгрии или какой-то из стран, некогда входивших в состав этой империи?

– Ответ очень простой – нет! Я родился в 1961 году, через много лет после того, как австро-венгерская монархия прекратила свое существование. К этому факту я отношусь как к вопросу нашего общего центральноевропейского прошлого, мой взгляд не отличается от мнений множества людей, которые просто интересуются историей. Вы спросите: есть ли у меня интерес к Австро-Венгрии? Определенно да! А ностальгия никуда меня не приведет, в таких вопросах я очень рационален. История может нас многому научить, особенно сейчас, когда мы вспоминаем о столетии со времени окончания Первой мировой войны. Происходит много такого, на что и мне стоит обратить внимание – как человеку, имеющему отношение к семье, которая профессионально занималась политикой на протяжении 800 лет. Мой дедушка был главой государства, и, конечно, в этом своем качестве он был политиком. Вы, естественно, можете назвать императора и по-другому, но он был и политиком тоже, пусть и на специфическом уровне. То же самое относится к моим предкам во многих, многих, многих поколениях. Так что монархия – это просто то, что у меня в крови, то, что сближает меня с моими предками.

– Вы австриец, конечно, но кем еще вы себя ощущаете?

– Моя главная самоидентификация, и очень сильная, – европейская.

– Как у вашего отца, Отто фон Габсбурга, сына Карла Последнего?

– Вот именно. Когда меня в 1996 году избрали в Европейский парламент, отец уже давным-давно был депутатом, представлял Германию. Я же представлял в Европарламенте Австрию. Мой брат в то же время был послом Венгрии в Европейском союзе, а моя сестра – депутатом парламента Швеции. Другая моя сестра позже стала послом Грузии в Берлине. Мы чувствуем себя дома во всей Европе, в этом нет сомнения.

– Но ваша австрийская идентичность существует?

– В определенной степени – несомненно, но не нужно забывать, что я родился не в Австрии, а в Германии, где и вырос. Однако нельзя сказать, что моя идентичность немецкая.

В общем, если называть страну, с которой я в наибольшей степени идентифицирую себя, – это Австрия. Но не сама по себе, а Австрия как часть Центральной Европы. Я в значительно большей степени чувствую себя центральноевропейцем, чем австрийцем.

– Вы побывали во всех странах, входивших ранее в состав Австро-Венгрии?

– Нельзя сказать, что я посетил все без исключения территории, входившие когда-либо в состав Австро-Венгрии. Но я побывал во всех странах, которые образовались на просторах бывшей империи, и, думаю, во всех сколько-нибудь важных ее городах. Я везде чувствую себя дома, потому что эти земли объединены общей историей, и чувство “домашности” возникает у меня автоматически. Но, если вы все-таки попросите назвать какой-то один адрес, я назову Хорватию. Я провел в этой стране много времени, работал там во время вооруженного конфликта 1990-х годов, в Хорватии у меня много друзей, в Хорватии я повстречал свою будущую жену, одно из имен у каждого из моих троих детей хорватское, мой сын крещен в Загребе. Так что да, определенное особое отношение к Хорватии у меня существует, но все же нельзя сказать, что в других местах я чувствую себя не так комфортно.

– У вас есть ощущение, что все эти страны когда-то составляли одно большое государство?

– Вы обращаете внимание на страны, а я говорю о регионе, объединенном общей историей. И сейчас у этого региона общие проблемы, и всегда были, с раннего средневековья. Путешествуя по Центральной Европе, вы не можете не заметить культурное единство. Для меня всегда было сложно делить этот регион на страны, я рассматриваю его как единое целое.

– Как вы относитесь к тому, что Австро-Венгрию иногда называют предтечей Европейского союза? Это правда или всего лишь красивая фраза?

– Сравнение любой исторической конструкции с современностью фальшиво, потому что история постоянно движется вперед. Но есть некоторые моменты, которые сохраняют значимость и сегодня, своего рода золотой стандарт Европейского союза. Начнем с того, что Австро-Венгрия была единственной по-настоящему многонациональной и мультикультурной империей своего времени. Классический пример – государственный гимн, который исполнялся на языках всех народов, населявших это государство. Такое было возможно только в Австро-Венгрии. Представьте себе, что во Франции кто-то попытался бы спеть “Марсельезу” на бретонском или окситанском языках – за это можно было бы поплатиться! Невозможно вообразить исполнение британского гимна на любом другом языке кроме английского.

Император Франц Иосиф, его внучатый племянник эрцгерцог Карл (будущий император Карл) и сын Карла эрцгерцог Отто играют в солдатики. Раскрашенная литография. 1915 год

“Мультикультурализм” вообще опасное слово. Я понимаю под этим термином союз культур, оказавшихся в состоянии сосуществовать, не смешиваясь, в отличие от американского варианта мультикультурализма, когда разные культуры теряют самобытность. В моем офисе есть фотография, которая приводит меня в восторг. Это снимок времен Первой мировой войны, фото одного из боснийских полков австро-венгерской армии; рядом запечатлены военные священники – фельдкурат, полковой имам, полковой раввин, – стоящие перед солдатским строем. Сейчас такое трудно себе представить. В наследии Австро-Венгрии можно отыскать много такого, что сегодня послужит примером для Европейского союза.

Говоря об империи Габсбургов, я часто употребляю понятие *Reichsidee* в том его смысле, который трудно адекватно передать на других языках. Английская *imperial idea* – это махараджа верхом на слоне, но у нас-то речь не об этом! Французская *idée imperial* – Наполеон – тоже не то! *Reichsidee* в ее австро-венгерском смысле – идея империи, основанной на принципе субсидиарности¹. Это означает ускоренное развитие регионов, специфических национальных

¹ Политическая концепция, предполагающая, что общественные и государственные проблемы должны решаться на самом низком, удаленном от “центра” уровне, на котором их разрешение возможно и эффективно. Центральная власть играет вспомогательную, а не главную роль, ограничивая свою ответственность только теми задачами, которые не могут быть решены на местах. – *Здесь и далее примеч. авт.*

культур. Для меня это еще один пример того, что хорошо бы перенести из истории в сегодняшний день.

– У вас есть какие-то особые связи с другими монархическими домами Европы, правящими сейчас или правившими в прошлом, скажем, с Романовыми?

– Со многими мы дружим, что неудивительно, – с несколькими династиями мы состоим в близком родстве. У нас тесные связи, родственные и дружеские, например с испанской королевской семьей или с семьей великого герцога Люксембургского.

– Габсбурги славились строгими внутрисемейными правилами, существовал статут, утвержденный императором Францем Иосифом и регулировавший поведение членов семьи. Сейчас что-то изменилось? В частности, может ли нынче Габсбург жениться или выйти замуж за человека недворянского происхождения?

– Конечно. Без всяких проблем. Мой отец Отто фон Габсбург был в этом отношении прагматиком. А я, как человек с опытом военной службы, могу сказать: не стоит отдавать приказ, выполнения которого невозможно добиться. Время идет, и наша семья меняется в соответствии с его новыми требованиями. Это отражает и тот факт, сколь активны сегодня Габсбурги в разных сферах деятельности, от высоких технологий до высокой моды. Свою задачу я вижу в том, чтобы за этим стояли, во-первых, знания, а во-вторых – чувство семейной солидарности, представление о том, что мы одна большая семья. По-моему, это здорово – иметь так много родственников, столь разнообразных как в географическом, так и в профессиональном отношении. В мире насчитывается 500 или 600 Габсбургов. Точное число не могу назвать, но Габсбурги есть везде – в Африке и в Латинской Америке, один даже в России.

– Один из ваших предков, Франц Стефан Лотарингский, супруг королевы Марии Терезии, благодаря личной деловой активности основал в XVIII веке семейный фонд Габсбургов, отделив тем самым финансы династии от государственной казны. За счет этого фонда Габсбурги и жили до конца империи в 1918 году. Этот фонд в том или ином виде существует сейчас? Как устроены габсбургские финансы?

– Тут все просто: по окончании Первой мировой войны имущество нашего рода было конфисковано. За исключением некоторых младших ветвей династии, которые остались в Австрии и частично сохранили свою собственность (например, замок Персенбойг принадлежит потомкам эрцгерцогини Марии Валерии, младшей дочери Франца Иосифа). Но наша старшая ветвь, высланная за границу, подверглась полной экспроприации. То есть все, что у нас есть сейчас, – это собственность, на которую мы заработали в течение последних примерно 90 лет.

– Вы были депутатом Европарламента, являетесь членом Австрийской народной партии. Не собираетесь продолжать активную политическую карьеру?

– Я увлекаюсь разными вещами, но больше всего меня привлекает международное гуманитарное право. В этой области сейчас многое серьезно меняется. Я рад участвовать в этом процессе, поэтому сотрудничаю, в рамках организации “Голубой щит”² и в иных своих качествах, с различными международными организациями, которые занимаются соответствующей проблематикой. Не считаю эту свою деятельность лишенной политического содержания, формулирую это так. Я люблю вспоминать годы, проведенные в Европейском парламенте. Кажется, мне кое-чего удалось тогда добиться – особенно как депутату, выступавшему по правозащитным вопросам. С другой стороны, я рад, что сейчас у меня остается больше времени для занятий другими делами. Хотя ничего не могу исключать в будущем. Опять вспомню отца: Отто фон Габсбурга впервые избрали в Европарламент, когда ему было 68 лет.

² Международный комитет Голубого щита – образованная в 1996 году международная организация, целью которой является защита культурных ценностей и памятников культуры в зонах стихийных бедствий и военных конфликтов. Идеологической основой для деятельности “Голубого щита” служит принятая в 1954 году по инициативе ЮНЕСКО Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов.

Не будем скрывать: разговор с Карлом фон Габсбургом произвел на нас необычное впечатление. Несомненно, он интересуется прошлым своей семьи и досконально это прошлое знает. С умением опытного фехтовальщика собеседник отбивал наши выпады “тонких знатоков” австро-венгерской истории и географии: Карл фон Габсбург помнит, что его дедушка-император в молодости служил в армии в украинском теперь городке Коломыя, да и сам в Коломые (в отличие от авторов этой книги) побывал. Он привык общаться со всякими журналистами, он дал сотни интервью и ответил на тысячи вопросов, и вряд ли отыщется таковой на австро-венгерскую тематику, который мог бы заставить его врасплох. Фон Габсбург не играет в потомка повелителей центральной европейской вселенной, а потому не кажется ни чудаковатым, ни смешным, как иные представители древних родов, потерявшие власть и славу, но не утратившие спесь и важный вид. Не так легко нести бремя многовековой фамильной родословной, но жизнь и опыт, видно, учат с этим справляться: когда пожилая фрау с субботней прической, узнав фон Габсбурга, сделала почтительный книксен, он ответил благодарным полупоклоном и легкой полуулыбкой. В меру достоинства, едва уловимая тень самоиронии: вы, уважаемая госпожа, приветствуете согражданина, но мы оба помним о нашем общем великом прошлом.

Карл фон Габсбург. Фото Виктории Гребенюк. 2018 год

В то же время глава дома Габсбургов – современный политик, смотрящий на Европу без чрезмерной ностальгии и ложной уверенности в том, что мир, который похоронила в 1914 году Первая мировая война, был правильным и единственно возможным, а все, случившееся потом, – лишь череда трагических недоразумений. Трагических – безусловно. Недоразумений – вряд ли, если учесть, что история представляет собой непрерывный поток событий; каждое последующее проистекает из предыдущего и определяется им. Все это не исключает возможность выбора, перед которым европейцы оказались и в 1914, и в 1918, и в 1939 годах, и, к сожалению, далеко не всегда предпочитали лучший из возможных вариантов. Скорее наоборот.

Карл фон Габсбург делает акцент на наднациональной идентичности. В этом Карл настоящий потомок своего рода: империя, выстроенная его предками, была именно такой – населенной чертовой дюжиной народов, пестрой, связанной общностью истории и географии больше, чем единством языков или культур, хотя и они за столетия совместной жизни сближались, пересекались, проникали друг в друга. Десятилетие за десятилетием, век за веком эта монархия прирастала новыми народами, территориями, строилась неторопливо, как храм Божий, камень на камень, кирпич на кирпич. Габсбурги терпеливо и кропотливо, хитростью и упорством, талантом и умом, изредка жестокостью, куда чаще путем компромиссов, за 600 лет владычества оборудовали большое многонациональное государство. Лучшего прообраза наднационального единства европейская история, пожалуй, не дала. В начале XX века вторая по площади и третья по численности населения европейская держава, Австро-Венгрия входила в число немногих стран, определявших содержание общественно-политических, социальных и культурных процессов в Старом Свете.

Это было сложносочиненное государство, устройство которого парадоксальным образом основывалось на его противоречиях. Империя, монархи в которой были не прочь править авторитарно, но по зрелом размышлении уступали либеральным веяниям. “Тюрьма народов” (по убеждению нескольких поколений националистов), в которой идея этнической толерантности зачастую оказывалась сильнее шовинистических настроений. Довольно мощная, даже на закате, держава, которая с большей охотой расширяла свои пределы династическими браками и дипломатическими комбинациями, нежели захватами и войнами. Страна вековых, даже дряхлых традиций, неизменно открытая модерну в живописи, архитектуре, музыке...

Поищем параллели. Держава Габсбургов складывалась как континентальная империя, в отличие от Британии или Испании, но подобно России не имела серьезных заморских владений³. Дюжина подвластных Габсбургам народов жила в компактной стране, и даже до наступления эпохи телеграфа депеша с самой далекой окраины поспевала в столицу империи всего за неделю или две. При этом (еще одно сходство с Россией) дунайская монархия кое в чем оставалась таинственной не только для западноевропейских соседей, но подчас, кажется, и для себя самой. Габсбургскому канцлеру Клеменсу Меттерниху не зря приписывают фразу: “Азия начинается на Ландштрассе”. Эта венская улица вела на восток, а восточнее Вены для рафинированных европейцев тогда словно не существовало цивилизации. В империи Габсбургов уживались разные реальности. Вена по праву считалась одной из блестящих столиц, соперничавших роскошью с Парижем и Лондоном, австрийский двор пользовался славой самого церемонного в Европе, но восточные окраины дунайской монархии – Трансильвания, Буковина, Галиция – пугали дикостью самих австрийцев, казались мистическими заповедниками, в которых могут обитать не только люди, но и вампиры.

Габсбурги справедливо числили за собой особую заслугу в коллективной борьбе европейцев против Османской империи, в многотрудном и кровопролитном сопротивлении креста полумесяцу. Их армии веками сдерживали наступательные порывы джихада. Территориальная экспансия османов в Европе была остановлена именно под Веной: город дважды, в 1529 и 1683 годах, выдерживал многомесячную осаду неприятельских войск. Первая неудача, свидетельствуют летописи, всего лишь серьезно встревожила султана Сулеймана Великолепного. Второе поражение, через полтора века, оказалось более чувствительным: сражение под Веной, в котором на стороне Габсбургов соединились армии многих христианских стран, положило окончательный предел османскому проникновению в глубь континента. Но

³ В качестве исторического курьеза упомянем австро-венгерскую концессию в китайском городе Тяньцзинь, выделенную монархии Габсбургов в числе других западных стран после участия в подавлении восстания ихэтуаней, известного также как боксерское восстание (1899–1901).

центральноевропейская империя после этого еще долго служила поясом безопасности и заградительным валом западного мира.

Государственное дело Габсбургов всегда делалось непросто, их страна двигалась от кризиса к кризису, раз за разом почти чудесным образом выходя из исторических испытаний и переделок. В XIX веке, опыт которого преимущественно исследуется в нашей книге, дунайская монархия пережила два главных этапа внутреннего переустройства. В самом начале того столетия на руинах Священной Римской империи германской нации⁴ Франц II Габсбург объявил себя императором Австрии и начал создавать из своих владений, довольно разрозненных в политическом и правовом смысле, централизованное государство. В 1867 году политический компромисс, достигнутый Венной и Будапештом после долгого и бурного выяснения отношений, ознаменовал трансформацию габсбургских земель в двуединую монархию – Австро-Венгрию. Полвека ее существования и без малого семь десятилетий пребывания на престоле Франца Иосифа, “последнего монарха старой школы”, принесли противоречивые, но во многом удачные попытки реформ и систематические поиски, говоря сегодняшним языком, успешной модели социально-политической модернизации. Итоговый результат этих попыток и поисков Габсбургам и их подданным увидеть не удалось. Конец дунайской монархии, этому уникальному историческому эксперименту, положило роковое стечение внутривнутриполитических и международных обстоятельств, обернувшееся в 1914 году мировой войной.

Но пока Австро-Венгрия жила – и сие отчетливо видно на фоне политических, национальных, социальных проблем современной ей Европы, – эта страна представляла собой пример умеренного процветания, относительного спокойствия и скромного благополучия. Габсбурги смогли обустроить, пожалуй, самую уютную в истории империю: с налаженным административным порядком и эффективной бюрократией; со сглаженными социальными противоречиями; с внятно сформулированной идеологией, основанной не на этнических или классовых принципах и не на милитаристском раже, а на государственной традиции и гражданской лояльности. Габсбурги не были пузатыми эксплуататорами-кровопийцами из марксистских брошюр. Корона означала для них не возможность наслаждаться властью или обогащаться (хотя власть они любили и богатств скопили вдоволь), но в первую очередь долг, миссию, ответственность.

То обстоятельство, что народы империи в конце концов отказали монархии в доверии, а дело Габсбургов было исторически проиграно, – в большей степени не вина, а беда династии. Ей не хватило потенциала перемен и энергии трансформации, не достало умения противостоять жестоким ударам извне. Случались и стихийные стечения неблагоприятных обстоятельств вроде гибели двух многообещающих наследников трона, кронпринца Рудольфа в 1889-м и эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 году. Ведь, как справедливо заметил американский историк Пол Джонсон, “хотя исследователю и неприятно признавать это, но удача – весьма важный фактор”.

Есть, однако, логика в том, что в Европе индустриальной эпохи именно Габсбурги стали последними наследниками модели космополитической монархии, подданных которой больше, чем национальность, религия или локальный патриотизм, объединяла верность короне. До последних лет империи большинство жителей Австро-Венгрии сохраняли почтение к трону, хоть и пассивное. Для миллионов подданных императора-короля распад его страны обернулся

⁴ Священная Римская империя германской нации – государственное образование, существовавшее с 962 по 1806 год и объединявшее территории Центральной Европы, в основном населенные немцами. Помимо германских земель поначалу в состав империи входили также обширные территории юго-восточной Франции и северной Италии, а также – до самого конца империи – нынешняя Чехия. Процессы становления единого государства в империи не были завершены, она оставалась децентрализованным образованием со сложной феодальной иерархической структурой, объединявшим несколько сотен национально-территориальных единиц. Священная Римская империя представляла собой попытку продолжить традицию Древнего Рима и создать универсальное государство.

личными трагедиями. Центробежные тенденции – притом что национализм представлял собой естественную угрозу общему государству – до поры до времени уравнивались в Австро-Венгрии центростремительными процессами.

Австрийский император и венгерский король Франц Иосиф. Фото Карла Питцнера. 1885 год

Нам, родившимся и выросшим в XX веке, естественным кажется существование национальных государств, принцип *ein Land – ein Volk*⁵, хотя в действительности это правило соблюдается далеко не всегда: достаточно взглянуть на Испанию, Швейцарию, Бельгию или Россию. История монархии Габсбургов напоминает: нации, национализм, национальные государства – это не данный раз и навсегда порядок вещей, а всего лишь исторические явления, имеющие

⁵ “Одна страна – один народ” (нем.).

начало и конец. Существуют и альтернативные модели государственно-политического устройства, позволяющие интегрировать большие пространства с выгодой для их обитателей, вне зависимости от языка, религии или обычаев. В последние полвека такую модель с трудом, но пытаются выстроить Европейский союз – и неудивительно, что в его столицах все чаще вспоминают об опыте Габсбургов и их историческом деле.

Оглядываясь в XX столетие, первая большая война которого наряду еще с тремя империями (в их числе российской) погубила Австро-Венгрию, заметим: для народов Центральной Европы столетие без Габсбургов оказалось не более, а скорее куда менее счастливым, чем столетия “под Габсбургами”. Один историк сказал об этом так: “Падение многовековой монархии привело к воцарению убийственных форм национализма и бессмысленных революций, заменивших гибкие и гармонические политические сообщества искусственными объединениями народов”. Один писатель оказался эмоциональнее историка (как, впрочем, и пристало его ремеслу): “Во времена этой империи еще не было безразлично, жив или умер человек. Все, что росло, требовало много времени для произрастания, и всему, что разрушалось, требовалось долгое время, чтобы быть забытым. Все существовавшее оставляло свой след, и люди жили воспоминаниями, как теперь живут умением быстро и навсегда забывать”. Неспешность и умеренность, особенно если подходить с мерками сегодняшнего дня, значились среди главных добродетелей габсбургского государства. Неспешность (понимаемая как медлительность) и умеренность (тракуемая как неспособность первенствовать) оказались в числе основных причин, по которым это государство было уничтожено.

Конечно, любой желающий найдет, что противопоставить ностальгическим воспоминаниям о стране, которую никому и никогда не вернуть. Критики габсбургского опыта весьма многочисленны. Десяткам знаменитых умов дунайская монархия, обычно олицетворяемая ее предпоследним престарелым императором, казалась символом державной дряхлости, мировым недоразумением, карикатурой на современное государство. “*Австрия была имперской организацией, а не страной*”, – убеждал читателей видный британский историк Алан Дж. П. Тейлор. Ему в романе-эпопее “Человек без свойств” вторил австрийский писатель Роберт Музиль, скрестивший национальные цвета с гардеробными мотивами: “*Две части страны, Венгрия и Австрия, подходили друг к другу, как красно-бело-зеленая куртка к черно-желтым штанам; куртка была сама по себе, а штаны были остатком уже не существующего черно-желтого костюма*”. Тейлор и Музиль по-своему правы, как правы и Ярослав Гашек, и Томаш Масарик, и многие другие горячие недруги габсбургской монархии, судившие о ее судьбе, исходя из личного опыта, нередко ведомые собственными обидами и политическими убеждениями. Так, прав каждый, кто осуждает старый мир на том простом основании, что его больше не существует.

Австро-Венгрия вовсе не идеальное государство, и эта книга совсем не панегирик былой империи. Мы старались не обходить острые углы и не замалчивать неприглядные вещи. Но, взяв на себя обязанность придерживаться исторических фактов, решили в то же время не отказываться от своих симпатий. И вот вывод нашего исследования: монархия Габсбургов, при всех ее недостатках, противоречиях устройства, при всем драматизме, сопровождавшем процесс ее трансформации, и при всем трагизме ее разлома и крушения, представляется успешным, а главное – познавательным и поучительным историческим феноменом. Вклад этой страны в мировую политическую и общественную культуру недооценен, а ее опыт – особенно на нашей родине, увы, не склонной к пристальному непредвзятому взгляду за свои границы, – недостаточно изучен.

Для всех без исключения центральноевропейцев дунайская монархия – не прошлое и даже не позапрошлое, а уже позапозапрошлое государство; XX столетие оказалось столь бурным, столь кровавым, столь богатым на события, что в большинстве энциклопедий и популярных справочников габсбургским временам отводится короткая главка в несколько страни-

чек. При этом все “постгабсбургские” страны в той или иной мере стремятся жить и строить свое будущее согласно девизу Франца Иосифа – *Viribus unitis*, “Объединенными усилиями”. Ведь развитие Европейского союза едва ли не в первую очередь означает для Центральной Европы необходимость регионального сотрудничества, вернее, его возобновления на добровольных началах, фактически впервые со времен государства Габсбургов. В процессе перемен становится понятным, что Центральная Европа имеет ценность сама по себе, а не только как “прокладка” между Россией и Западом, какой она стала после падения Габсбургов. У жителей этого региона до сих пор гораздо больше общего друг с другом, чем с западными или восточными соседями. Поэтому лучший путь для Центральной Европы, похоже, состоит в том, чтобы, меняясь, оставаться собой, сохранив уют и тепло, о которых некогда так пеклась австрийская династия.

Дети другой погибшей империи, по-своему величественной, но куда менее либеральной и человеческой, чем дунайская монархия, мы по многу лет прожили на бывших австро-венгерских территориях, объездив десятки уголков этой некогда обширной страны. Из вагона поезда и из салона автомобиля, с моста над Дунаем и с башни Пражского Града, с альпийского перевала и с адриатического побережья, из-за стола в венской библиотеке и из зала будапештского музея, из трансильванского местечка и галицийского городка – с разных “наблюдательных точек” летопись империи Габсбургов предстает не только, да и не столько историей монархической династии или подчиненных ей народов. Все гораздо полнее, красочнее и интереснее: это летопись частной жизни десятков миллионов людей, это поразительные хитросплетения их судеб, их великие подвиги и низкие злодеяния, это осуществление их блестящей мечты и крушение их последней надежды.

Глянцевые портреты полудюжины знаменитостей, имена которых в массовом сознании, так или иначе, связаны с австро-венгерской историей, вроде Иоганна Штрауса, Зигмунда Фрейда, Густава Климта или Стефана Цвейга, дополнились в наших записных книжках галерей не менее значимых, но менее известных персонажей и образов. Ведь подданные австрийского императора и венгерского короля совершали кругосветные путешествия, штурмовали полярные широты и горные вершины, учили Европу танцевать вальс и любить оперетту, они открывали новые земли и звезды, писали поэмы и теологические трактаты и даже устанавливали олимпийские рекорды. Это жители империи Габсбургов изобрели торпеду и керосиновую лампу, оборудовали первую в мире телефонную станцию, построили первую в мире высокогорную железную дорогу и провели одну из первых в Европе линий электрического трамвая. Они не просто были частью Европы – Европа была невозможной без них и их государства.

При всем многообразии центральноевропейских земель они и теперь объединены наследием общего прошлого. Речь не только о том, что кварталы Братиславы, Нови-Сада, Триеста или Дьора напоминают о венской градостроительной моде; не только о том, что здания вокзалов и оперных театров в Загребе, Либереце, Тимишоаре или Черновцах сооружены словно по одному чертежу (последнее, кстати, экономически легко объяснимо: по проектам архитектурного бюро Фердинанда Фельнера и Германа Гельмера построены три десятка театров в Австро-Венгрии и еще 18 в других европейских городах, в том числе в российской тогда Одессе); не только о том, что в любом почтенном ресторане Брно, Любляны, Будапешта или Львова вам приготовят блинчики примерно по одной и той же узнаваемой рецептуре (точно такие конечно же нам подали в ратушном ресторане Корнойбурга после встречи с Карлом фон Габсбургом); не только об общей традиции танцевальных балов, о сходстве кофейной культуры или о забавном проявлении новой ностальгии – портрете старого императора над барной стойкой. Связь огромной и динамично развивающейся европейской территории с навсегда минувшим и эфемернее, и мучительнее, и основательнее, и эмоциональнее, чем можно подумать, пролистав исторический роман или учебник истории.

Наша книга – ни то ни другое. Это очерки о центральноевропейской Атлантиде, о которой русскоязычный читатель знает куда меньше, чем она того заслуживает. Это своего рода биография большой, пестрой и интересной страны, но ни в коем случае не некролог. Может быть, верно говорят, что великие империи не умирают – они лишь засыпают на время.

I

Короны империи

Трудно сразу поверить, что огромное дерево, стянутое стальными скрепами, уже мертво, даже если на нем и не распускаются листья.
А. Дж. П. Тэйлор, “Монархия Габсбургов” (1941)

Западный вокзал Будапешта, 27 декабря 1916 года, два часа пополудни. На празднично украшенном перроне стоят элегантно одетые господа – члены венгерского правительства, депутаты парламента, представители городских властей. Тут же выстроилась рота почетного караула. Со стороны Вены приближается поезд, выпуская клубы пара, замедляет ход. У третьего вагона появляются гвардейские офицеры, вытягиваются в струнку, молодцевато козыряют выходящей на перрон молодой семье. Худощавого мужчину лет тридцати в военной форме сопровождают симпатичная дама с живыми темными глазами и четырехлетний мальчик с торчащими из-под шапочки локонами. Встречающие почтительно приветствуют их. Это новый австрийский император и венгерский король Карл, его супруга Зита и наследник трона эрцгерцог Отто. Они прибыли в Будапешт на коронацию – как выяснится позднее, последнюю в истории династии Габсбургов.

Три дня спустя, 30 декабря, в церемониальном зале королевского дворца в Буде состоялся торжественный обряд. Карл принес клятву на Библии, дал обязательство защищать старинные вольности Венгерского королевства, после чего кардинал Янош Чернох передал монарху скипетр и державу. Потом настал черед королевы. Кардинал коснулся ее правого плеча древней короной святого Иштвана (Стефана)⁶ и произнес: “Прими сию прекрасную корону как супруга короля, готовая разделить с ним заботу о рабах Божиих. Чем выше твое положение, тем большим да будет твое смирение, во имя Господа нашего Иисуса Христа”. Раздались залпы салюта, зазвенели колокола, и над холмами Буды, над стылым Дунаем, над улицами Пешта и, казалось, над всей венгерской равниной до самых Карпат разнеслось: *Éljen a király!* – “Да здравствует король!” Карл IV, король Венгрии, он же – под именем Карла I – император Австрии (в этом качестве Габсбурги, однако, не короновались), вступил на престол.

Венгрия, а вместе с ней вся империя Габсбургов, словно стремилась уверить себя и мир, что ничего не изменилось, что власть династии так же крепка, как и пару веков назад, а молодого короля ждет долгое и счастливое правление. Но действительность оказалась иной. Монархия, истощенная длившейся третий год войной, быстро приближалась к краху. Великолепие торжеств лишь на время заслонило для их участников и гостей грозную реальность – безнадежность боев на четырех фронтах, голод в городах, недовольство в селах, брожение среди народов империи, чья верность династии подвергалась все более серьезным испытаниям. На плечи 29-летнего императора-короля, не выглядевшего ни гигантом, ни гением, легла ноша, которую вряд ли вынес бы и человек куда более стойкий. Кто знает, не вспомнил ли Карл Последний, слушая кардинала, другую фразу – мрачное напоминание, произнесенное как-то дядей молодого императора, погибшим в Сараеве эрцгерцогом Францем Фердинандом: “Корона Габсбургов – это терновый венец”?

Почти на полвека раньше, летом 1867 года, во время предыдущих коронационных торжеств, в Будапеште царило куда более приподнятое настроение. Тогда корону святого Иштвана

⁶ Здесь и далее, если не указано иначе, большинство собственных имен дается в национальной (в данном случае – венгерской) фонетической традиции. При необходимости этот вариант транскрипции дополняется другим, если тот по каким-либо причинам стал широко употребительным. Исключения представляют собой имена монархов, традиция написания которых в русском языке прочно закрепилась: Франц Иосиф, а не Франц Йозеф, Карл, а не (в качестве венгерского короля) Карой и т. д.

возложили на рано облысевшую голову 37-летнего Франца Иосифа, закрепив примирение Австрии с мятежной Венгрией. Это примирение нашло выражение в специальном соглашении – *Ausgleich* (“Уравнение в правах”), заложившем правовую основу двуединой монархии. Будущее этой громадной страны тогда представлялось если не блестящим, то по меньшей мере вполне приемлемым. Казалось, была найдена удачная модель общежития на подвластных Габсбургам землях Центральной и Восточной Европы. В своем данном Богом праве повелевать многими народами и заботиться об их благополучии австрийская династия не сомневалась. Это правление продолжалось несколько веков – так почему же власть Габсбургов, некогда причислявших к своим предкам римского императора Августа и даже легендарного троянца Энея, не могла длиться вечно?

Царствование Франца Иосифа, эти без малого семь десятилетий лишь укрепляли у подданных монарха такое ощущение. Казалось, почтенный император и его держава есть и будут всегда, они естественны и неустранимы, как восход и закат солнца. Знаменитый английский историк Арнольд Тойнби писал об империях эпохи упадка: *“Универсальное государство обнаруживает тенденцию выглядеть так, словно оно и есть конечная цель существования, тогда как в действительности оно представляет собой фазу в процессе социального распада”*. Коронация 1867 года была в этом отношении переломным моментом: дунайская монархия перестала быть классической империей, а габсбургский император из носителя абсолютной власти превратился лишь в один из политических институтов нового государства.

Корона императора Рудольфа II. 1602 год

Франц Иосиф понимал, что времена меняются, и в 1910 году, принимая в Вене бывшего президента США Теодора Рузвельта, с гордостью и грустью произнес: “Я – последний монарх старой школы!” Родившийся в 1830 году кайзер⁷ был воспитан в духе абсолютистских традиций, а образцом для подражания в юности считал своего деда, крайне консервативного Франца I, правившего в 1792–1835 годах (до 1806 года – Франц II, как император Священной Римской империи). Но время шло, и под влиянием революций, войн, личных потрясений, общения

⁷ В русской историографической и литературной традиции слово *Kaiser*, немецкий вариант понятия “император”, ассоциируется преимущественно с монархами Германской империи Гогенцоллернов (1871–1918), прежде всего с последним из них, Вильгельмом II. Однако задолго до Гогенцоллернов этот титул носили государи Священной Римской империи германской нации, которыми начиная с XV века были почти исключительно члены династии Габсбургов. Затем императором (кайзером) стал глава новой, Австрийской империи, провозглашенной Габсбургами в 1804-м. Характерно, что вышедший в России в 1997 году переводной сборник статей немецкого и австрийского историка носил название “Кайзеры” и включал в себя очерки об императорах Священной Римской империи (от Карла V), Австрийской и Германской империй.

с советниками и противниками, в результате собственных размышлений (император не был интеллектуалом, но отнюдь не был и тупицей) резкий, безапелляционный и порой жестокий юноша, десятками утверждавший в 1849-м смертные приговоры венгерским революционерам, превратился в сдержанного, терпимого и в чем-то даже мягкого мужчину. Потом зрелый муж стал стариком с пышными седыми бакенбардами, который, пусть нехотя и с опаской, но принял новшества наступившей эпохи – парламентаризм и архитектурный модерн, депутатов-социалистов и гражданские браки, графа Дьюлу Андраши (которого когда-то заочно приговорил к смерти) в кресле министра иностранных дел и Карла Люгера (антисемита, но, как сказали бы сегодня, крепкого хозяйственника) на посту бургомистра Вены. Только в быту император оставался консерватором: не пользовался пишущей машинкой и телефоном (приказал убрать его от греха подальше... в туалет), почти не ездил на автомобиле и даже в преклонном возрасте избегал лифтов, предпочитая топтать по лестницам.

На плакате, выпущенном в 1908 году к 60-десятой годовщине восшествия Франца Иосифа на престол, император-король изображен сидящим на троне, у которого собрались все без исключения его царственные предки начиная со Средних веков. Рудольф Старший, первый Габсбург, занявший в 1273 году трон Священной Римской империи германской нации, показан приносящим поздравления далекому потомку, которому удалось переплюнуть всех Габсбургов по части продолжительности правления. Плакат символичен: Франц Иосиф всегда стремился быть в первую очередь главой династии, а значит – хозяином доставшегося ему от предков огромного домена, который нужно сохранить и передать наследникам. Николай II, заполняя анкету во время переписи населения, в графе “род занятий” написал: “Хозяин земли Русской”. Франц Иосиф мог бы ответить на этот вопрос так: “Глава дома Габсбургов”. Положение первого лица династии являлось для него отправной точкой, фундаментом и причиной всего – долгих дней за письменным столом, круговерти приемов, балов и парадов, переговоров с государями и иностранными дипломатами, выстраивания политических комбинаций и, наконец, одиночества, глубокой тоски и грусти, которые с годами все больше овладевали царственным старцем, столь многое принесшим в жертву династии и империи. Времена абсолютизма уходили в прошлое, и, хотя роль императора и его семьи в жизни страны и общественном сознании оставалась значительной, священный ореол Австрийского дома явно поблек. Династии нужно было приспособливаться к новым историческим условиям.

Некоторые представители монархической фамилии совсем не хотели этого. Одним из последовательных защитников традиций Габсбургов, пытавшихся сохранить за династией исключительное положение в социальной иерархии, был эрцгерцог Альбрехт (1817–1895), сын эрцгерцога Карла, одаренного полководца, нанесшего в 1809 году в битве при Асперне поражение самому Наполеону. Неудивительно, что и Альбрехт по мировоззрению был прежде всего солдатом. Он сделал военную карьеру, увенчанную в 1866-м победой над итальянцами под Кустоццей. Трагедии в семье – единственный сын Альбрехта умер в младенчестве, супруга скончалась, не дожив до 40 лет, а дочь погибла 17-летней в результате несчастного случая – ожесточили эрцгерцога, от природы суховатого и упрямого.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

МАКСИМИЛИАН, император и брат императора

Эрцгерцог Фердинанд Максимилиан (1832–1867) был на два года младше своего брата Франца Иосифа. Их мать, эрцгерцогиня София, говорила, что из своих четырех сыновей больше других уважает Франца, но сильнее всего привязана к Максу. Ходили слухи (скорее всего, безосновательные), что отцом мальчика был не добродушный эрцгерцог Франц Карл, а живший в Вене сын Наполеона I, рано умерший “Орленок” – Франц,

герцог Рейхштадтский. Отношения между Максом и Францем Иосифом складывались противоречиво: разные по характеру братья любили друг друга, но соперничали. В 1853 году, когда венгерский националист совершил покушение на императора, Макс первым примчался в Вену, но это вызвало неудовольствие Франца Иосифа: он решил, что брат надеялся на его смерть и спешил занять место. Вскоре Максимилиана назначили командующим австрийским флотом, а в конце 1850-х годов эрцгерцог стал наместником императора в Ломбардии и Венеции. Но дела там шли неважно, жители этих территорий относились к Габсбургам враждебно. Перелом в жизни Максимилиана и его супруги, бельгийской принцессы Шарлотты, наступил в 1863 году. Побуждаемый Наполеоном III, имевшим свои интересы в Мексике, Максимилиан согласился принять корону этой страны, толком не зная тамошних нравов и обстановки. В Мексике шла гражданская война. Сторонники Максимилиана, поддерживаемые французскими войсками, проигрывали республиканцам под командованием Бенито Хуареса. Три года Максимилиан вел войну, одновременно пытаясь проводить в разоренной стране либеральные реформы. После вывода из Мексики французских войск положение монархистов стало безнадежным. Максимилиан, преданный частью своей армии, попал в плен в городе Керетаро. Республиканцы приговорили императора к смерти. Несмотря на просьбы о помиловании, направленные Хуаресу европейскими монархами, президентом США, а также Виктором Гюго и Джузеппе Гарибальди, 19 июня 1867 года Максимилиан Мексиканский был расстрелян вместе с двумя верными ему генералами. Тело императора доставили в Европу на фрегате *Novara*. Биографы указывают, что Франца Иосифа за всю его долгую жизнь видели плачущим лишь дважды: в 1889-м, на похоронах сына, кронпринца Рудольфа, и 22 годами раньше, когда он получил предсмертное письмо Макса. “Дорогой брат! Волею судьбы я вынужден принять незаслуженную смерть. Посылаю тебе эти строки, чтобы от всего сердца поблагодарить за братскую любовь и дружбу. Пусть Бог дарует тебе счастье, мир и благословит тебя, императрицу и милых детей. Прошу простить меня за совершенные ошибки и неприятности, которые я тебе причинил... Остаюсь до конца жизни твой вечно верный брат Максимилиан. Керетаро, 18 июня 1867 года”.

Альбрехт имел репутацию “серого кардинала” габсбургского дома. Он много размышлял над тем, что должно служить духовным основанием, идеей, *raison d'être* дунайской монархии. В письмах к юному кронпринцу Рудольфу, которого он пытался отвлечь от вредных либеральных идей, эрцгерцог утверждал: залогом прочности габсбургского государства могут быть “не абстрактные концепции государственности, а армия <...> и Австрийский дом как воплощение идеи Отечества, за которую его подданные готовы проливать кровь. Династия должна быть отделена пропастью от подданных; ни одному из них, на какую бы высоту он ни поднялся, не должно быть позволено пользоваться такими же почестями, как даже самому младшему из эрцгерцогов <...> Император – глава династии, ее судья, ее суверен, и ее члены должны выражать ему почтение и быть его преданными слугами, подавая пример всем подданным <...> Вот принципы, благодаря которым Австрийский дом в течение столетий достиг могущества и процветания. Если эти принципы <...> будут отброшены, династия потерпит крушение, столкнувшись с сообществом народов, до сих пор связанных между собой исключительно обязательствами перед династией и ее армией”. Альбрехт отличался трезвостью оценок, он четко сознавал, на чем базируется габсбургская власть. Эта пронизательность тем не менее не мешала эрцгерцогу искать рецепты укрепления монархии исключительно в прошлом.

Тем не менее жить как в прошлом у династии уже не получалось. Правда, Габсбурги и в последние десятилетия правления в основном соответствовали емкой характеристике, которую дал этой царственной фамилии швейцарский историк Якоб Буркхардт: *“Физически далекие от идеала, почти лишенные черт гениальности, но обладающие доброй волей, серьезностью и основательностью; выносливые и терпеливые в беде; среди них не было ни мерзавцев, ни опустившихся личностей”*. Почти не было, добавим справедливости ради, хотя историк прав: “черные овцы” в огромной разветвленной семье оказывались явлением нечастым (к середине правления Франца Иосифа эрцгерцоги и эрцгерцогини исчислялись уже десятками)⁸. С другой стороны, характерно, что ни один из Габсбургов не вошел в историю с прозвищем Великий. Сила этой фамилии заключалась не в выдающихся способностях ее отдельных представителей, а в династической солидарности, преемственности и умении подбирать толковых соратников. Для Габсбургов была характерна и жесткая семейная дисциплина: открытые бунты против главы рода происходили редко (самый известный случай – распря между императором Рудольфом II и его братом Матиасом в начале XVII века). В других европейских августейших семьях – у Валуа, Бурбонов, Гогенцоллернов, Романовых, Ваза, Браганса – такое бывало многократно.

Примечательно, что сейчас, в принципиально иных политических условиях, Габсбурги по-прежнему поддерживают связи друг с другом, составляя если не огромное родовое гнездо, то многолюдный аристократический клуб. Карл фон Габсбург считает главной своей “фамильной” обязанностью организацию административной и иной деятельности “большой семьи”. Глава дома концептуально определяет, например, тональность выступлений представителей семейства в средствах массовой информации по имеющим общественную значимость вопросам. Он регулярно читает семинары для “габсбургской молодежи”. Такие встречи проводятся в разных местах; последняя (на момент выхода этой книги в свет) состоялась летом 2018 года в Австрии. На ней согласовывались общие позиции для контактов с общественностью в связи со столетней годовщиной окончания Первой мировой и крушения империи. По всей видимости, больше, чем конкретные знания, старшие Габсбурги стараются передать новым поколениям чувство гордости за свою, одну из самых старых в мировой политике фамилию – передать, если хотите, ощущение исторического достоинства.

Ну а во времена царствования типичный австрийский эрцгерцог (этим титулом обладали все прямые потомки императоров и их братьев по мужской линии) воспитывался, конечно, не в спартанских условиях, но достаточно строго. Идеальной для Габсбурга считалась военная карьера. Эрцгерцогов, избиравших церковную стезю, в XIX веке становилось все меньше, хотя прежде такой выбор для младших отпрысков рода представлялся стандартным. Взрослых и ментально здоровых Габсбургов, не имевших военного чина, при четырех последних императорах практически не было, хотя особыми полководческими талантами большинство представителей династии не обладали. Многие Габсбурги стремились получить и гражданское образование – например, последний император Карл учился в университете в Праге, а его младший брат эрцгерцог Макс был дипломированным юристом. Особенностью воспитания мальчиков считалось и то, что их обучали тому или иному ремеслу на выбор. Франц Иосиф был

⁸ В 1740 году, когда скончался император Карл VI (правивший с 1711 года), род Габсбургов пресекся по мужской линии. Престол унаследовала Мария Терезия, старшая дочь Карла VI. Мария Терезия вышла замуж за Франца Стефана, герцога Лотарингского, в 1745 году избранного римско-германским императором под именем Франца I (не следует путать с его внуком, австрийским императором Францем I). Все последующие царствовавшие Габсбурги были потомками этой пары, имевшей 16 детей, поэтому начиная с 1740 года австрийскую династию принято называть габсбургско-лотарингской. Увеличению числа Габсбургов способствовали два плодотворных императора – сын Марии Терезии и Франца Стефана Леопольд II (годы правления 1790–1792), имевший 15 детей, и его сын Франц I Австрийский (годы правления 1792–1835), у которого было 13 отпрысков. После трех столь многолетних браков фамильное древо Габсбургов обрело чрезвычайно пышную крону. В нашем распоряжении есть плакат с генеалогическим древом Габсбургов, выполненный придворным венским художником в начале 1890-х годов. Рисунок вместил лишь сотню портретов, в число которых не попали многие, даже относительно близкие, родственники монархов.

в детстве садовником, а у “красавчика Отто”, отца последнего императора, имелась столярная мастерская. Большое внимание уделялось освоению иностранных языков. Поскольку дунайская монархия сложилась как многонациональное государство, Габсбурги должны были говорить на основных ее языках – немецком, венгерском, часто на чешском и польском; следовало владеть французским, сохранявшим статус языка дипломатии и международных отношений, и итальянским; некоторые эрцгерцоги объяснялись и по-английски, кое-кто знал латынь. Габсбурги, хорошо владевшие четырьмя-пятью иностранными языками, были скорее правилом, чем исключением. Дети с родителями в семьях нескольких императоров (например, Марии Терезии и Франца I) говорили в основном по-французски. Хотя в минуты волнения (в частности, объявляя публике о рождении у нее первого внука) та же Мария Терезия переходила на венский диалект, довольно далекий от литературного немецкого языка.

Габсбурги XIX века также росли полиглотами. “Родители старались, чтобы в каждый день недели мы говорили на новом языке, – поделился с нами воспоминаниями о своем детстве Карл фон Габсбург. – Ну и потом мы выучили еще по паре языков, что называется, на стороне. Большинство моих языков оказалось романскими или, по крайней мере, западными: сказались обстоятельства времени и формирования того поколения, к которому я принадлежу, – в эпоху ‘железного занавеса’ возможности путешествовать по Восточной Европе были ограничены. Мы все выучили основы венгерского, которые я до сих пор не забыл. Будучи ребенком, я не изучал славянские языки, но хотя бы отчасти попытался наверстать это упущение позже, занимаясь хорватским, которым, однако, все же не владею совершенно свободно”.

Девочки-эрцгерцогини традиционно получали домашнее образование, программа которого была заметно уже, чем у мальчиков. В ее основе лежали те же иностранные языки, музыка, литература, азы математики, истории, географии, а также женские занятия вроде вышивания. Глава императорского дома смотрел на своих юных родственниц прежде всего как на материал для династических браков. В Европе (да и не только: скажем, дочь Франца I Леопольдина вышла замуж за императора Бразилии Педро I) трудно было найти царствующую династию, в которой не отыскалось бы жен и матерей, происходивших из габсбургско-лотарингского рода. Самой трагически знаменитой из габсбургских принцесс, выданных замуж за иностранных государей, стала Мария Антония – супруга короля Франции Людовика XVI, вошедшая в историю под офранцузенным именем Мария Антуанетта. Она и Максимилиан Мексиканский – единственные казненные Габсбурги.

С Романовыми династические комбинации у Габсбургов складывались не лучшим образом. Единственным браком “на высшем уровне” между двумя династиями стала женитьба в 1799-м венгерского наместника (палатина) Иосифа Антона, шестого сына императора Леопольда II, на 16-летней великой княжне Александре, дочери Павла I. Брак оказался недолгим: год спустя юная Александринка, как называли ее в Венгрии, умерла от родильной горячки. Сближению династий препятствовал религиозный фактор: Романовы настаивали на переходе в православие иноземных принцесс, выходивших за членов царской семьи, и с неохотой допускали переход собственных великих княжон, выдававшихся замуж за границу, в веру их супругов.

К концу XIX века австрийское императорское семейство оказалось настолько разветвленным, что все более частыми становились браки между родственниками, принадлежавшими к разным ветвям габсбургского рода. Племянник Франца Иосифа, эрцгерцог Франц Фердинанд, ставший в 1895 году наследником престола, возмущался по этому поводу: “Если кто-то из нашей семьи влюбится на стороне, в родословной непременно найдется какая-то ерунда, препятствующая такому браку. Вот и получается, что у нас муж и жена всегда двадцатикратные родственники. В итоге половина детей – дурачки или полные идиоты”. Эмоциональный эрцгерцог несколько преувеличивал: в его времена габсбургская кровь была явно свежее, чем в XVI или XVII столетиях, когда случались откровенно инцестуальные браки. Из-за этого, в

частности, вымерла испанская ветвь династии, последний представитель которой Карл II (годы правления 1665–1700) являл собой ужасающий пример физической и ментальной дегенерации⁹. При Франце Иосифе родственные браки Габсбургов были куда менее скандальными, ибо речь шла о дальних степенях родства, хотя император женился на своей двоюродной сестре по материнской линии. Младшая дочь Франца Иосифа Мария Валерия вышла замуж за своего троюродного брата Франца Сальватора, а наследника трона Франца Фердинанда хотели женить на одной из дочерей эрцгерцога Фридриха, приходившегося ему двоюродным дядей.

Женитьба Франца Фердинанда стала ярким примером того, что даже столь консервативный институт, как австрийский императорский дом, оказался не в состоянии сопротивляться нравам эпохи, в которой родовые и сословные традиции играли все меньшую роль, а воля и чувства отдельных людей – все большую. Франц Фердинанд отличался упрямым, вспыльчивым, своевольным характером. Царственный дядя недолюбливал племянника, но считался с ним. Во-первых, Франц Фердинанд был неглуп, во-вторых, он, в отличие от многих младших Габсбургов, интересовался политикой и искренне желал послужить империи, а в-третьих, больше Францу Иосифу рассчитывать оказалось не на кого. Младший брат Франца Фердинанда, следующий по порядку наследования эрцгерцог Отто, был добродушным беспутным гулякой¹⁰ (в 1906 году он умер от последствий сифилиса), а его сын Карл, который в итоге в 1916-м и занял трон, пока еще бегал в коротких штанишках.

⁹ По политико-династическим соображениям браки между австрийской и испанской ветвями Габсбургов повторялись едва ли не в каждом поколении. Филипп II Испанский (годы правления 1554–1598) женился на своей племяннице Анне Австрийской (не путать с известной широкой публике по роману Александра Дюма королевой Франции). Их сын Филипп III (годы правления 1598–1621) взял в жены Маргариту Австрийскую, свою двоюродную тетю. Плод этого брака – Филипп IV (годы правления 1621–1665) был дядей по матери своей второй жены Марии Анны Австрийской.

¹⁰ Наиболее известным происшествием, связанным с эрцгерцогом Отто, стало его появление в холле дорогого венского отеля *Sacher* абсолютно голым и вдрызг пьяном виде, однако с саблей на поясе и орденом Золотого руна на шее. В другой раз нетрезвый Отто хотел провести компанию буйных друзей в спальню своей жены, набожной саксонской принцессы Марии Йозефы, крича: “Пойдемте, я покажу вам монашку!” Только твердость камердинера позволила избежать неприятной сцены.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

ЛЕОПОЛЬД ВОЛЬФЛИНГ, Габсбург-изгой

Эрцгерцог Леопольд Фердинанд Сальватор (1868–1935) – сын Фердинанда IV, последнего великого герцога Тосканского, отпрыска младшей ветви Габсбургов, правившей в Тоскане до 1860 года, когда эта династия

потеряла корону. С детства Леопольд не подавал особых надежд, испытывая интерес только к развлечениям и рано пристрастившись к выпивке. Позднее он прошел курс лечения от алкоголизма. Самым интересным событием его молодости было участие в кругосветном путешествии, которое предпринял в 1892–1893 годах наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Родственники не поладили, когда выяснилось, что Леопольд провел на борт корабля подружку, переодетую матросом. Леопольд вынужден был прервать путешествие в Сиднее. Позднее он сменил службу на флоте на казавшуюся ему более простой пехотную, но и здесь яркой карьеры не сделал, хоть и дослужился до полковника. Проклятием и судьбой Леопольда Фердинанда оказались женщины легкого поведения. В 1902 году эрцгерцог собрался жениться на бывшей проститутке Вильгельмине Адамович. Зная, что его образ жизни вызывает недовольство высокородных родственников, Леопольд подал императору прошение об отказе от титула. Леопольду выделили 200 тысяч крон, а родители помогали непутевому сыну еще 30 тысячами в год. Тем не менее он не вылезал из финансовых проблем. Леопольд взял фамилию Вольфлинг, по названию горы на севере Австро-Венгрии, где любил бывать, и женился-таки на своей Вильгельмине. Впоследствии он заключил еще два брака, причем одна из его избранниц также оказалась представительницей древнейшей профессии. Поскольку въезд во владения императора-короля бывшему Габсбургу запретили, герр Вольфлинг принял гражданство Швейцарии. В Австрию он вернулся после падения монархии и открыл в Вене продуктовую лавку, ставшую достопримечательностью: не на каждой улице торгуют колбасой и оливковым маслом особы королевской крови! Магазин Леопольда прогорел. Вольфлинг написал переведенные на несколько языков мемуары, в которых не пощадил родственников. Но и занятия литературой больших успехов ему не принесли. Леопольд перебрался в Берлин, где и умер в 1935 году в нищете. Несмотря на три брака, потомков он не оставил.

Именно поэтому роман Франца Фердинанда с графиней Софией Хотек, представительницей знатного, но не равного Габсбургам и к тому же обедневшего чешского рода, получил столь большое династическое значение. Жизнь августейшей семьи определялась статутом, принятым в 1830-е годы с подачи влиятельного канцлера князя Клеменса Меттерниха. Высказанное Францем Фердинандом твердое намерение жениться на Софии Хотек шло вразрез с этим документом, который предполагал возможность морганатического брака эрцгерцогов, но карал их за этот шаг утратой прав на трон. Франц Фердинанд, однако, сумел добиться от дяди нарушения строгих правил, подписав обязательство, согласно которому будущие дети от брака с графиней Хотек лишались прав наследования, но сам эрцгерцог такие права сохранял. Странное совпадение: именно в этот же день 14 лет спустя пули террориста оборвали жизнь Франца Фердинанда и его супруги. Уступив желанию нелюбимого, но полезного династии племянника, император Франц Иосиф сделал еще одну уступку новой эпохе. Возможно, он просто не смог отказать Францу Фердинанду в том, чего в молодости добился сам, – женитьбе по любви.

История брака Франца Иосифа и Елизаветы, более известной как Сисси, происходившей из младшей ветви баварской династии Виттельсбахов, хорошо известна и многократно описана. Снятая в 1950-е годы австрийская кинотрилогия о Елизавете/Сисси с юной Роми Шнайдер в главной роли изображала их союз как нечто идиллическое до сусальности, но такое представление не вполне соответствовало действительности. Франц Иосиф должен был жениться на старшей сестре Елизаветы – Елене, но отчаянно влюбился в 15-летнюю Сисси и настоял на браке с ней. Свадьбу сыграли в 1854 году. Франц Иосиф оказался любящим и заботливым

мужем, однако обстоятельства не способствовали счастью. Сисси не нравился этикет венского двора, она враждовала со свекровью, властной эрцгерцогиней Софией, а возраставшая с годами эксцентричность императрицы вызывала негодование в придворных кругах.

Елизавета не была создана для семейной жизни, поскольку, по свидетельству биографов, оказалась психически нестабильной натурой. Постоянные недомогания, которые она испытывала в Вене, имели характер невроза: стоило ей удалиться из нелюбимой столицы, как словно по волшебству исчезали навязчивая анорексия и головные боли, возвращались силы и интерес к жизни. Императрица любила одиночество, но не могла подолгу оставаться на одном месте, а потому колесила по Европе, вызывая пересуды в политических кругах и аристократических салонах. Очарованная красотой греческого острова Корфу, она уговорила Франца Иосифа построить там великолепную виллу Ахиллеон. Однако, пробыв на Корфу считанные недели, Елизавета уехала и впоследствии просила супруга продать имение.

“Она думала прежде всего о себе. С удовольствием пользовалась выгодами, которые приносило высокое положение, но не желала исполнять обязанности, связанные с этим положением”, – пишет об императрице в книге “Болезни Габсбургов” австрийский врач и историк-любитель Ганс Банкль. Подобные суждения звучат категорично, но оснований не лишены. Сисси действительно ненавидела церемонии и приемы, стремилась как можно реже появляться рядом с мужем на официальных мероприятиях. Это часто ставило Франца Иосифа в неудобное положение, за спиной императора раздавались злые шуточки о “соломенном вдовце”. Однако вряд ли мотивом действий императрицы являлся сознательный протест или холодный эгоизм. Елизавета стремилась к свободе, но не могла найти ее – не потому, что габсбургский двор стал для нее “золотой клеткой”, а потому, что тюрьмой оказалась ее собственная душа. Романтический ореол, окружающий фигуру Сисси, не позволил многим писавшим о ней высказать “крамольную” мысль: императрица была психически нездорова, и именно это послужило главной причиной краха семейной жизни австрийской монаршей четы.

Императрица Елизавета Австрийская. Фото Эмиля Ребендинга. 1867 год

Франц Иосиф, реалист до мозга костей, человек долга, обладавший невероятной самодисциплиной, представлял собой полную противоположность Сисси. Примерно с 1870-х годов (императору тогда было едва за сорок, его жене немногим более тридцати) их брак стал формальностью. Елизавета существенную часть времени проводила в путешествиях, изнуряя себя диетами, длительными пешими и конными прогулками (она могла пройти быстрым шагом и почти без отдыха до 30 километров), предаваясь меланхолическим размышлениям и сочинению стройных, но лишенных признаков большого таланта стихотворений. В 1898 году жизнь Елизаветы трагически оборвалась: на берегу Женевского озера ее ударил в грудь заточенным напильником итальянский анархист Луиджи Луккени. Он не хотел убивать именно Елизавету Австрийскую – просто поблизости не оказалось никого другого из представителей высших классов, а Луккени мечтал совершить героический поступок во имя светлого будущего. “Как я любил эту женщину!” – воскликнул император, получив известие о гибели Сисси.

Впрочем, у Франца Иосифа не было недостатка в дамах, желавших разделить его одиночество. В 1875 году на прогулке в парке дворца Шёнбрунн он повстречал юную Анну Наговски, жену железнодорожного чиновника. Случайная встреча обернулась многолетней тайной связью. Двое из троих детей Анны – дочь Елена и сын Франц, собственно, названный в честь императора, – судя по всему, были детьми Франца Иосифа ¹¹. Но в середине 1880-х годов в жизни императора началась “эпоха Катарини Шратт”, венской актрисы, остававшейся его подругой до самой смерти. С Анной Наговски Франц Иосиф поступил так, как многие люди, обладавшие богатством и властью, но не лишенные совести, поступали с фаворитками: откупился от наскучившей подруги. В обмен Анна подписала обязательство молчать об отношениях с высочайшим любовником. Судя по всему, глубоких чувств между ними так и не возникло, чего не скажешь о связи Франца Иосифа с фрау Шратт. Утверждают, что Катарина оказалась единственной, кто мог до слез рассмешить императора, мужчину серьезного и довольно меланхолического, веселыми историями и анекдотами.

Несложившаяся семейная жизнь императора имела трагические последствия по крайней мере для одного из его детей. У Франца Иосифа и Елизаветы было четверо отпрысков – умершая в двухлетнем возрасте София, вторая дочь Гизела, родившийся в 1858 году наследник трона Рудольф и, наконец, младшая, любимая дочь императорской четы Мария Валерия. Пожалуй, только последняя в полной мере познала родительскую, прежде всего материнскую, любовь. Покладистая Гизела, неизменно сердечная и отзывчивая (позднее за участие в благотворительности ее назовут добрым ангелом Австрии), не привлекала внимания родителей. Зато она стала, возможно, самым близким человеком для брата Рудольфа, который рано проявил разнообразные способности, но унаследовал от матери неустойчивую психику. Его проблемы усугублялись недостатками воспитательной программы и родительского попечения.

¹¹ Елена впоследствии вышла замуж за австрийского композитора Альбана Берга. Франц Наговски в 1930 году получил известность благодаря дикому поступку: в день столетнего юбилея Франца Иосифа он отрезал себе мизинец левой руки и положил его на надгробие императора. Наговски был объявлен сумасшедшим и провел несколько лет в психиатрической клинике.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

КАТАРИНА ШРАТТ, подруга императора

Катарину Шратт (1853–1940) иногда называли некоронованной императрицей, хотя эта женщина, много лет бывшая для императора Франца Иосифа самым близким человеком, не злоупотребляла отношениями с ним, а политикой почти не интересовалась. Дочь мелкого торговца из окрестностей Вены, Катарина увлеклась театром и, несмотря на протесты родителей, стала актрисой. Она играла в Берлине, затем вернулась в Австрию. Недолго была замужем за венгерским офицером, от которого родила сына. Шратт стала популярной актрисой венского придворного “Бургтеатра”. Принято считать, что императрица Елизавета способствовала сближению своего мужа с Катариной. Примерно в 1885 году у Франца Иосифа и его новой фаворитки установились близкие отношения. Она поселилась в особняке рядом с дворцом Шёнбрунн, так что император мог посещать подругу, не привлекая внимания. Сохранилась его обширная переписка с Катариной, свидетельствующая о том,

что она действительно стала для стареющего монарха больше чем любовницей (некоторые историки, впрочем, утверждают, что эти две души были связаны лишь платоническими отношениями – но кто в наше время сие докажет?) – “сердечным другом” и человеком, которому он мог доверять. Эти письма теперь продают на международных аукционах. Наутро после смерти Франца Иосифа император Карл настоял на том, чтобы фрау Шратт пропустили к смертному одру. Катарина с молитвой вложила в руки покойного две белые розы. Она прожила еще четверть века, неизменно отклоняя предложения об интервью и написании мемуаров. В 1938 году, после аншлюса Австрии, престарелая Катарина Шратт, видимо, впервые в жизни сделала политический жест: узнав, что под окнами ее особняка будет проезжать кортеж Адольфа Гитлера, распорядилась закрыть шторами окна. Она прожила столько же, сколько Франц Иосиф, – без малого 87 лет.

Детство Рудольфа пришлось на самые тяжелые годы правления Франца Иосифа, отмеченные неудачными войнами и крупными реформами, когда император был особенно погружен в государственные дела и не успевал уделять принцу достаточного внимания. Отец и позднее не стал для Рудольфа по-настоящему родным человеком. Их переписка носила дружеский характер (с сыновней почтительностью со стороны кронпринца), но темы этих писем удивительно однообразны: охота, парады, учения. Мать оставалась для Рудольфа существом далеким (из-за ее отсутствия в Вене) и загадочным. В процесс воспитания сына Елизавета вмешалась лишь однажды – когда выяснилось, что куратор Рудольфа, генерал Антон Гондрекур, солдафонскими методами едва не довел хрупкого мальчика до нервного расстройства. Сисси добилась замены Гондрекура умным и добрым графом Йозефом Латуром фон Турнбургом, который не только дал Рудольфу хорошее домашнее образование, но и сумел подружиться со своим учеником.

“Австрийский Гамлет”, несомненно, был одним из наиболее одаренных Габсбургов. Его перу, помимо статей и трактатов на исторические и политические темы (большинство из них было опубликовано анонимно, и Франц Иосиф не догадывался, кто является автором этих оппозиционных текстов), принадлежат труды по орнитологии. В 1885 году при авторском и редакторском участии наследника престола было начато издание 24-томной энциклопедии “Австро-Венгерская монархия словом и образом”. Кронпринц знал толк в музыке, разбирался в военных вопросах. Но все его дарования производят впечатление неупорядоченности, на них лежит отпечаток хаоса, который, по-видимому, царил в душе Рудольфа. Он отличался непоследовательностью. Стремился стать образцовым офицером, но вел образ жизни, далекий от установок воинской дисциплины. Дружил с представителями венской либеральной интеллигенции, среди которых было немало евреев, но отпускал развязные антисемитские замечания. Сознал степень ответственности, которая однажды ляжет на его плечи, но словно сгибался под ее тяжестью, стараясь забыться на охоте, в попойках и беспорядочных связях с женщинами, от придворных дам до проституток.

Рудольф уважал, может быть в глубине души даже любил, отца, но, судя по всему, одновременно ненавидел его – за холодность и консерватизм; за суровую самодисциплину, которой он, кронпринц, был лишен; за то, что император не допускает его, наследника, к государственным делам. Столь же противоречивым оказалось и отношение Рудольфа к монархии. Вот два высказывания кронпринца об Австро-Венгрии. Первое – цитата из учебной работы 15-летнего Рудольфа: “Это королевство стоит подобно могучей руине, живет сегодняшним днем, но в конце концов все равно рухнет. Оно держалось веками, и, пока народ слепо позволял вести себя, все шло хорошо, но сегодня люди стали свободными, и грядущая буря сметет развалины”. Второе – из написанного в 1886 году письма французскому политику, будущему премьер-министру Жоржу Клемансо: “Габсбургское государство давно уже осуществило мечту

Виктора Гюго о Соединенных Штатах Европы, пусть и в миниатюрной форме. Австрия – блок разных стран и народов под единым руководством. Такая концепция имеет огромное значение для мировой цивилизации. Тот факт, что реализация этой идеи, выражаясь дипломатично, пока не совсем гармонична, не означает ошибочности самой идеи”.

Кронпринц Рудольф. Фото. 1880 год

Отношения с родителями у Рудольфа не сложились; при дворе у него не нашлось друзей, многочисленные любовницы стремились использовать его в своих интересах, жена, бельгийская принцесса Стефания, оказалась женщиной доброй, но ограниченной (к тому же Рудольф заразил ее венерической болезнью, приведшей к бесплодию, что испортило отношения супругов), сестра Гизела, вышедшая замуж за баварского принца, была далеко... Тридцать лет жизни, которые отвела Рудольфу судьба, стали временем одиночества. Запутавшийся и, видимо, уже тяжело больной кронпринц нашел простой и трагический выход. 30 января 1889 года тела Рудольфа и его любовницы, 17-летней баронессы Марии Вечёры, были найдены в охотничьем домике Майерлинг под Веной. Несмотря на появившиеся с тех пор бесчисленные исследования, посвященные “загадке Майерлинга”, невозможно достоверно установить, что именно тогда произошло. Наиболее вероятной версией остается самоубийство Рудольфа, перед смертью застрелившего несчастную девушку – по ее собственному желанию или нет, никто уже не узнает. Кронпринц обдумал свой поступок: он успел написать предсмертные письма жене, матери, сестре и друзьям. Для отца у него не нашлось ни строчки.

По распоряжению свыше австрийские газеты сообщали о смерти наследника глухо и невнятно, хотя за границей вовсю смаковались подробности трагедии, зачастую искаженные невероятным образом. Император настоял на том, чтобы подробностей случившегося в Майерлинге не узнал никто: “Все что угодно лучше, чем правда”. В первые дни февраля 1889 года между Веной и Ватиканом шли интенсивные переговоры о том, чтобы позволить похоронить убийцу и самоубийцу Рудольфа по католическому обряду. В конце концов злополучный наследник был, как и остальные Габсбурги, упокоен в склепе венской церкви Капуцинов. Изуродованную выстрелом голову кронпринца венчала белая повязка, прикрытая траурными венками. На похоронах сына, вспоминали очевидцы, Франц Иосиф словно окаменел, но в последний момент не выдержал и, рыдая, припал к гробу Рудольфа.

Знал ли монарх о письме кронпринца матери, в котором тот признавался, что “недостойн быть сыном императора”? Что творилось в душе Франца Иосифа, когда он размышлял о судьбе Рудольфа? Была ли это лишь скорбь или к ней примешивались чувства недоумения, вины, обиды? Исходя из суровой династической логики, Рудольф оказался предателем – семьи, отца и себя самого, поскольку предпочел уход из жизни тем обязанностям, которым полностью подчинил собственную жизнь император. Вскоре о Рудольфе словно забыли, его отец не хотел беречь душевную рану. Но о том, что боль потери осталась, говорит тот факт, что Франц Иосиф очень нескоро, лишь через десятилетие после смерти Рудольфа, официально дал понять, что считает своего нелюбимого племянника Франца Фердинанда наследником трона.

Центром габсбургского мира, естественно, оставался венский двор, две столичные резиденции императора – расположенный в центре города Хофбург (зимняя) и окраинный, окруженный прекрасным парком Шёнбрунн (летняя). В старости Франц Иосиф проводил все больше времени в Шёнбрунне, который казался ему более уютным. Тем не менее, несмотря на великолепие обоих дворцов, сейчас их планировка производит странное впечатление. Трудно избавиться от ощущения, что обитатели этих пышных покоев все время жили на виду; большие залы и соединяющие их анфилады жилых комнат почти не оставляли личного пространства, к которому привыкли люди нашего времени.

Жизнь императора-короля и его родственников действительно была в очень значительной степени публичной, расписанной с утра до позднего вечера, наполненной аудиенциями, парадами, приемами, визитами и, конечно, совещаниями и рутинной кабинетной работой, которой Франц Иосиф посвящал немало времени. Даже в последний вечер своей жизни смертельно больной монарх просил слугу Ойгена Кеттерля разбудить его, как обычно, в четыре часа утра, так как на рабочем столе остались бумаги, которые он не успел прочесть и подпи-

сать. Елизавета/Сисси с ее бунтом против придворных порядков оказалась исключением среди высочайших габсбургских особ. Австрийский двор отличался педантичным этикетом и приверженностью формальностям. Эта традиция берет начало в XVI веке, когда Габсбургам принадлежали не только центральноевропейские владения, но и испанская империя, та самая, “над которой никогда не заходит солнце”. Венские Габсбурги переняли чопорный стиль мадридских родственников и сохранили его после того, как испанская линия династии пресеклась.

Конечно, со временем многие средневековые условности ушли в прошлое, но и в XIX столетии Хофбург по сравнению с другими королевскими дворами Европы считался местом, где царят удушающе строгие правила. Дворцовый протокол Габсбургов был разработан до мельчайших деталей, и отступления от него не приветствовались. После самоубийства эрцгерцога Рудольфа венский двор на три месяца погрузился в “глубочайший” траур. Если обстоятельства кончины члена монархической фамилии оказывались не столь трагичными или если покойник не был столь высокородным, объявлялся не такой продолжительный “глубокий” либо даже “умеренный” траур. Франц Иосиф с его приверженностью дисциплине оказался идеальным монархом для поддержания подобных традиций. Тем не менее на аудиенцию к императору нередко попадали люди скромного звания или “сомнительного” происхождения. Офицеры имели право появляться при дворе в любое время – этим подчеркивались “священные узы” между монархией Габсбургов и ее армией. А вот занимать заметные придворные должности могли только люди знатные: каждый кандидат обязан был представить родословную, в которой значилось бы не менее восьми (!) поколений предков-дворян как с отцовской, так и с материнской стороны.

При дворе Габсбургов не сорили деньгами. Один французский дипломат, побывав в 1865 году на званом ужине у Франца Иосифа, отметил, что скатерти на праздничных столах венского дворца “постеснялись бы использовать в приличном парижском ресторане”. Сам император-король отличался простыми вкусами и не поощрял склонности к шику. Любимыми блюдами Франца Иосифа были суп с фрикадельками и шницель с картофелем, венское пиво он предпочитал изысканным винам, а из “излишеств” позволял себе разве что дорогие сигары, да и то нечасто. Так и не привыкнув к водопроводу, мылся император всю жизнь в походной раскладной ванне. В одежде он отдавал предпочтение военной форме, редко появляясь в штатском. К армейской традиции Франц Иосиф пристрастился с раннего детства: свой первый военный мундир надел в трехлетнем возрасте, свой первый полк получил в формальное командование 13-летним. В императорском гардеробе имелась форма почти всех полков австро-венгерской армии, кроме разве что флотской, хотя Франц Иосиф, конечно, был почетным адмиралом своих военно-морских сил. Зато – и в этом противоречия дяде! – именно в адмиральском мундире часто появлялся на публике наследник трона Франц Фердинанд.

Помимо официальных резиденций Габсбургам принадлежали десятки дворцов, замков, охотничьих угодий и иных владений. Некоторые родственники монарха были кем-то вроде удельных князей. Так, эрцгерцог Карл, победитель Наполеона при Асперне, стал обладателем Тешенского герцогства в Силезии, которое позднее перешло к его потомкам, образовавшим тешенскую (тешинскую)¹² линию габсбургского рода. Собственность отдельных членов династии не была тождественна собственности короны. С XVIII века четко разделялись и финансы габсбургско-лотарингского дома и подвластной ему империи. Этому способствовали предпринимательские усилия Франца Стефана – скромного, мягкого, почти не занимавшегося политикой мужа Марии Терезии. Франц Стефан оказался бизнесменом на троне: получив в 1744 году наследство пресекшегося итальянского рода Медичи, он удачно вложил средства в разные финансовые и промышленные проекты и вскоре стал обладателем огромного состояния. После

¹² Главный город этой области имеет три исторических названия: немецкое – *Teschen*, польское – *Cieszyn* и чешское – *Těšín*. В настоящее время он разделен между Польшей (*Cieszyn*) и Чехией (*Český Těšín*).

смерти Франца Стефана его сын Иосиф II субсидировал государственную казну на огромную сумму – 20 миллионов флоринов, но и оставшегося хватило для создания габсбургского фамильного фонда, который приумножался до самого падения монархии.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

КНЯЗЬ МОНТЕНУОВО, слуга

Альфред фон Монтенуово (1854–1927) считался одной из самых влиятельных фигур при дворе Франца Иосифа. Он приходился Габсбургам родственником: его прадедом был Франц I, а бабушкой – эрцгерцогиня Мария Луиза, вторая жена Наполеона I. Князь вырос при венском дворе, его отец

Вильгельм был другом детства Франца Иосифа. Неудивительно, что отпрыск столь знатного рода сделал быструю карьеру, получил должность обер-гофмейстера императорского двора. Монтенуово контролировал порядок императорских аудиенций, ведал императорскими замками, угожьями, библиотеками, конюшнями. В круг обязанностей обер-гофмейстера входил также допуск ко двору. Князь был помешан на правилах и порядке. Морганатический брак наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда, женившегося на “неравной родом” графине, Монтенуово считал скандалом. Он отомстил этой паре довольно подлым способом. После убийства эрцгерцога и его жены в Сараеве летом 1914 года обер-гофмейстера назначили ответственным за организацию похорон. Когда тела убитых выставили для отпевания, выяснилось, что София покоится на заметном расстоянии от мужа, а ее гроб установлен на более низком постаменте. Это вызвало возмущение дворян (прежде всего богемских, к которым относился род Хотеков), а также нового наследника престола эрцгерцога Карла, любившего покойных дядю и его жену. В 1917 году, вскоре после вступления на престол, Карл I уволил князя Монтенуово. Карьера “серого кардинала Хофбурга” закончилась бесславно.

Династия не сидела на шее у государства, располагая значительными собственными средствами. После 1860 года, когда в результате объединения Италии младшие ветви Габсбургов лишились своих владений, эти семейства фактически поступили на содержание к венским родственникам. Позднее имущественные вопросы в Италии были разрешены и изгнанники получили обратно немалую собственность. Франц V Габсбург д’Эсте, герцог Моденский, умерший в 1875 году бездетным, оставил в наследство своему кузену Францу Фердинанду (принявшему в честь родственника имя д’Эсте) столько владений и ценных коллекций живописи и оружия, что молодой эрцгерцог оказался самым богатым из Габсбургов после императора-короля.

Естественно, управленческие кадры дунайской монархии веками черпались из представителей высшего сословия. К началу XIX века дворяне составляли 86 % габсбургских дипломатов, 94 % офицеров, 91 % чиновников. Демократизация государственной службы протекала неспешно: только через столетие число выходцев из недворянских слоев в системе управления достигло 30–35 %. Аристократия монархии распадалась на две группы. Старая знать – Ауэрсперги, Виндишгрецы, Дитрихштейны, Шварценберги, Тун-Гогенштейны и равные им (называем только некоторые австро-немецкие фамилии) – не отличалась общественной активностью, но крепко держалась за аристократические привилегии, среди которых, например, было и право для отпрысков 21 родовитой фамилии вступать в брак с представителями дома Габсбургов. Новое служилое дворянство, социально более мобильное, складывалось постепенно. За без малого семь десятилетий царствования Франц Иосиф возвел в дворянское достоинство около 9 тысяч человек, верой и правдой служивших монархии: богатых предпринимателей и удачливых промышленников, храбрых военных, отважных первооткрывателей, знаменитых ученых и деятелей культуры. Они составили так называемое второе общество, представители которого не смешивались со старой знатью ни в общественном отношении, ни через брачные узы.

Кортеж Карла I в день коронации в Венгрии. Фото. 30 декабря 1916 года

Лишь изредка, по соображениям финансового оздоровления, такая связь оказывалась для высшей аристократии необходимой, но и тогда воспринималась прежде всего как мезальянс. *«Австрийская знать до последнего сохраняла приверженность складывавшейся поколениями экономической и социальной этике, которая, в противоположность буржуазным воззрениям, принимала умножение собственности как приличествующее сословному положению, только если в результате этого возрастало уважение к соответствующей семье»*, – пишет австрийский историк Карл Воцелка. До последних лет существования монархии Габсбургов влияние аристократии на политику было обеспечено законодательством о выборах: например, все эрцгерцоги по достижении совершеннолетия автоматически становились сенаторами, членами верхней палаты австрийского парламента.

XX век знаменовал начало нового времени – эпохи всеобщих выборов, массовых партий и массовой печати, националистов и социалистов, пацифистов и суфражисток. В обществе, ставшем, с одной стороны, куда более свободным, а с другой – куда более информированным, Габсбурги лишились ореола избранности. Они стали в глазах окружающих просто людьми, порой грешными и смешными, тем более что их поведение подчас подтверждало это. Так, император фактически поместил под домашний арест самого младшего из своих братьев, Людвига Виктора: гомосексуальные наклонности эрцгерцога привели к некрасивому эпизоду в венских общественных купальнях. Еще сильнее отличился младший племянник императора, эрцгерцог Отто, который однажды остановил похоронную процессию и перепрыгнул на коне через гроб с покойником. Подобные инциденты, естественно, популярности Габсбургам не прибавляли. Впрочем, императорско-королевский дом не был в этом отношении исключе-

нием среди правящих династий Европы. Роковую роль в истории династии Габсбургов и их империи сыграли не столько личные качества членов императорской фамилии, сколько обстоятельства социально-политические, прежде всего Первая мировая война. Но даже в момент краха Австро-Венгрии хватало людей, воспринимавших это событие как катастрофу.

Вот воспоминания писателя Стефана Цвейга, оказавшегося в марте 1919 года на пограничной станции между Австрией и Швейцарией в тот момент, когда свою страну покидал император Карл I: *“Медленно – лучше сказать, величаво – подошел необычного вида поезд, не обшарпанные, с потеками от дождей привычные пассажирские вагоны, а черные, широкие: салон-вагоны <...> В зеркальной вагонной раме я увидел почти во весь рост императора Карла, последнего императора Австрии, его одетую в черное супругу королеву Зиту. Я вздрогнул: последний император Австрии, наследник габсбургской династии... покидает свою империю!.. Доблестная череда Габсбургов, которые из столетия в столетие передавали из рук в руки державу и корону, – она заканчивалась в эту минуту. Все вокруг оцептели в этот момент ход истории, мировой истории... Паровоз тронулся резким толчком, словно и он совершал над собою насилие; поезд медленно удалялся... Только теперь, в это мгновение, почти тысячелетней монархии действительно пришел конец”.*

Вена. Трон земли

Нет, мир не рушился! По широкой Рингштрассе толпами или горожане, радостно настроенные подданные Его апостолического Величества. Казалось, все они принадлежат к его свите и что вся Вена – гигантские дворцовые уголья.

Йозеф Рот, “Марш Радецкого” (1932)

В 1846 году баварский скульптор Людвиг Шванталер по заказу властей Вены установил на площади Фрайунг фонтан “Австрия”, *Austriabrunnen*. Аллегорические фигуры над чашей фонтана и под статуей победительной Австрии с копьём и щитом в руках ¹³ олицетворяют главные реки империи Габсбургов – Эльбу, По, Дунай и Вислу. Из этих четырех прекрасных бронзовых дев верность Австрии до сегодняшнего дня сохранила только одна – Дунай. Эльба (Лаба) “бежала” в Чехию и Германию, По вернулась к итальянцам, а Висла досталась полякам. Вместе с водами этих рек, тихо вздыхает фонтан, уткнувшись в историю и габсбургская слава.

Austriabrunnen красуется на венской площади, напоминая о былом величии некогда огромной страны. Современникам империи Габсбургов ее границы, должно быть, казались естественным целым, даже на географических картах логично очерченным скобками горных

¹³ Моделью для этой фигуры послужила рано умершая внучка Иоганна Вольфганга Гёте Альма.

хребтов и мягким полукружьем морского побережья. Страна была просторна и гармонична в своей рельефной и этнической пестроте: Альпы – на немецко-итальянском западе, Судеты – на чешско-немецком севере, Карпаты – на венгерско-румынско-украинском востоке, Динарский хребет – на южнославянском юге. Тысячекилометровый берег Адриатики с крупнейшим на всем Средиземноморье портом Триест; бесконечное русло Дуная, пронзившее Европу, как изогнутая спица; плодородные равнины Венгрии, густые леса Галиции и Трансильвании, альпийские луга Тироля – все это объединяли под своим скипетром Габсбурги, древняя династия герцогов, императоров и королей. Их империя незыблемо возвышалась посередине Европы.

Посередине всего. И центром всего был город Габсбургов – Вена.

Вена идеально подходит для воскресного общения взрослых детей с пожилыми родителями. В спокойном городе на берегу Дуная уместно проявлять уважение к возрасту и почтение к сединам, именно в Вене проживает умиротворенное пенсионерское счастье. Это не город, а сошедшая с телеэкрана реклама страхового полиса. Здесь кажется особенно приятным тихо скончаться в мягкой домашней постели, обложившись грелками. Движение пешеходов по венским улицам всегда неспешно, меховые дамские шубки неизменно элегантны, мужские костюмы обязательно неброских цветов и строгих силуэтов. В центре Вены очень чинно и очень чисто; едва удерживаешься от соблазна мелкого хулиганства, не знаешь, то ли окурочек воткнуть в цветочный вазон, то ли фантик бросить мимо мусорной урны. Здесь тысячи удобных скамеек, откуда открываются прелестные виды; здесь сотни милых кондитерских, витрины которых ломятся от тортов и пирожных; здесь десятки мощных памятников королям и композиторам. Педантичные австрийцы ни одного значительного предка не обидели, всех подсчитали: каждому полководцу выдали по бронзовому скакуну, каждому императору – по лавровому венку, каждому музыканту, художнику, поэту – по скрипке, мольберту, гранитному пьедесталу. Обойден этими почестями только Карл Последний¹⁴, словно потомки так и не простили его: не смог, не сохранил, не удержал... Позднего (1957 год) и скромного монумента – в глубине Замкового сада, на низеньком постаменте, явно не по продолжительности и значимости царствования – удостоился тот, решениям и воле которого Вена во многом обязана своим нынешним обликом: император Франц Иосиф.

Грезы об имперском прошлом для этого города важнее его республиканского настоящего. Чешские, венгерские, польские, южнославянские фамилии здесь услышишь не реже немецких. Таксист, дворник, официант, цветочница, продавец, горничная родом из бывшей провинции в Вене – привычное явление. Как и любая имперская столица, что бывшая, что нынешняя, Вена сохраняет достоинство, делает вид, что за последнее столетие в мире ничего особенного не произошло. Вена – гранд-дама, она великолепно держит осанку. Это холеная, породистая, сытая и оттого – при почти домашнем уюте, комфорте и очевидно разумном устройстве быта – кажущаяся по-северному холодной южная столица.

В Вене становится ясно: главные достоинства зрелой культуры кроются в ее мельчайших подробностях. Ни один другой город Европы не дал лучших, чем Вена, образцов легкой музыки, ни один другой город не научил своих жителей так задорно танцевать. Нигде больше не разработаны столь изощренные навыки вальяжного времяпровождения, как раз Вену писатель справедливо назвал городом наслаждений. Единственный европейский конкурент, Париж, – другой: тамошние наслаждения более богемны и менее буржуазны, чем венские. С этим слож-

¹⁴ Бюст Карла I установлен в спальне Габсбургов в склепе венской церкви Капуцинов. Могила последнего австрийского императора и венгерского короля находится в месте его последней ссылки и ранней смерти, на португальском острове Мадейра. Мы спросили Карла фон Габсбурга о том, почему останки его деда и тезки до сих пор не перенесены в Вену, поближе к родственникам. Оказалось, что вопрос о перезахоронении лиц, причисленных католической церковью к лику блаженных (Карл I беатифицирован в 2004 году), их семьи решить не в состоянии. В данном случае требуется инициатива епархии Фуншала на острове Мадейра, а она не торопится избавляться от останков единственного “своего” блаженного. Потомки Карла Последнего видят в пребывании его останков на территории Португалии и исторический смысл, ведь именно эта страна предоставила в 1921 году убежище семье императора-изгнанника.

ным кодексом праздности в исторических кондитерских *Demel* и *Sacher* радостной толпой знакомятся любознательные японские и китайские туристы. С надеждой на блестящее будущее за столики кафе *Griensteindl* и *Central* и сегодня усаживаются молодые безденежные интеллектуалы; как раз здесь сто лет назад собирались творческие компании, от Густава Климта до Стефана Цвейга, здесь играл в шахматы на деньги эмигрант-революционер из России Лев Троцкий, подвизавшийся журналистом в венской газете.

Многие серьезные люди считают: этот возведенный в абсолют культ уютного, физически и духовно необременительного существования сыграл с Австрией в прошлом злую шутку. Сибаритство, которому так приятно предаваться за столиком кафе или ресторана, на набережной Дунайского канала или речушки Вены, в парке или сквере, стало для этого города поздней австро-венгерской поры категорией почти политической. Самоуспокоенность лишила венских бюргеров чуткости и прозорливости, ощущение комфорта убаюкало австрийский правящий класс. *“Из всех главных немецких городов Вена может занять первое место в отношении слабости и косности жизни, – сетовал на рубеже XIX и XX веков музыкальный критик Михаэль Граф. – Напряжение и энергия Вены ничтожны. Даже популяризовать великих полководцев и победителей венский дух не способен иначе, как придавая им черты ласкового кретинизма. Без налета добрячества и слабомыслия венцам никогда не вообразить своих героев”*. Критик в чем-то прав, хотя писал он на сей раз не о музыке. Почтенный чудаковатый папаша, а не стальной вождь – вот классический образ лидера старой Австрии, хотя реальность вполне могла быть и другой. Победитель османов Евгений Савойский на бронзовом жеребце сидит расфранченным вельможей, а не бесстрашным воином, каковым был на самом деле. Императоры на пьедесталах выглядят сплошь как философы и покровители искусств, копытами своих скакунов они не топчут врагов в образах исчадий ада. Тяжеловесной Марии Терезии поставили на памятник массивный трон; императрица и встать не потрудилась. В этой символике много спокойствия, мудрости и величия, но мало энергии, не хватает порыва.

Возникнув на границе германского, романского и славянского миров, Вена, похоже, разбавила немецкую волю и твердость жизнелюбием недалекого Средиземноморья и славянской беспечностью, то и дело переходящей в лень. Венский уют и австрийский гедонизм были и милым достоинством, и изрядным пороком старой империи. Габсбурги стали мастерами “мягкой власти”, бисмарковское “железом и кровью” было им чуждо. Это придавало империи обаяния в глазах многих ее подданных, но во время кризисов грозило параличом воли. Характерно различие в стиле работы прусского и австрийского чиновничества, о котором пишет современный историк: “Просвещенные бюрократы в Австрии, в отличие от своих на первый взгляд куда более успешных прусских коллег, сохранили больше сдержанности и скептицизма, прагматизма и здравого смысла. Это защитило общество от подчинения гражданских свобод полумистическому культу государства и иерархии”.

Нега и умеренность стали австро-венгерскими доблестями. Об этом с сожалением, но, похоже, и с некоторой симпатией писал в многотомном романе “Человек без свойств” Роберт Музиль: *“Находились в центре Европы, где пересекаются старые оси мира. По дорогам катились автомобили, но не слишком много автомобилей. Готовились к покорению воздуха, здесь тоже – но не слишком часто. Не было честолюбия мировой экономики и мирового господства. Знали роскошь – но не такую сверхутонченную, как французы. Занимались спортом – но не так сумасбродно, как англосаксы. Главный город тоже был меньше, чем все другие крупнейшие города мира, но все-таки значительно больше, чем просто большие города”*.

Да, сто лет назад 2-миллионная Вена считалась четвертой столицей Европы – по численности населения и, пожалуй, по политическому влиянию (“чтобы прочно оставаться по слабости второй среди великих держав”). Помимо умения развлекаться город удивлял современников еще и масштабами строительных проектов. Не случайно именно топонимический термин стал одним из главных символов сформировавшегося австро-венгерские полвека стиля жизни:

Ringstraßenstil. Рингштрассе – это девять бульваров-проспектов шириной по 60 метров каждый. Полтора столетия назад они с помощью одной набережной Дунайского канала (набережная носила имя Франца Иосифа) опоясали древний центр габсбургской столицы. Магистралю Ринга застроены в высшей степени представительными зданиями, общественное назначение которых едва ли важнее их смысловой нагрузки. “Стиль Рингштрассе” – идеология не отдельно взятого городского проекта, но овеянная в граните, кирпиче и мраморе мечта о просвещенной монархии.

Перстень Рингштрассе заключил в себя, словно взял в плен, исторические святыни: дворцовый комплекс Хофбург (его выходящее на бульвары крыло закончили отделять в 1926 году, когда Габсбургов уже выселили), мрачный собор Святого Стефана, нарядные палатки аристократов, древние монастыри и прочие старинные объекты; кажется, здесь покоится сама душа вечной Австрии. Отсюда идет определение *Österreich* как *Klösterreich*, “страны монастырей”, понастроенных слугами Божиими во имя Господа и славы Его.

Хофбург поражает сложностью планировки – так, наверное, сто лет назад сама Австро-Венгрия пугала громоздкостью административного устройства. 18 крыльев, 54 лестницы, 19 внутренних дворов, почти 2600 помещений, 240 тысяч квадратных метров площади – Габсбурги проживали в этом чудо-комплексе с 1439 по 1918 год, без малого пять веков. И каждый император строил свое: правила церемониала запрещали пришедшему к власти монарху занимать покои предшественников. Архитектурный и стилиевой разноречивостью сводится к общему знаменателю идеей величия обитателей дворца, полагавших свою спокойную умеренную власть сильнее времени, тверже гранита и отполированное мрамора. Теперь замковый комплекс стал еще более многофункциональным. Хофбург вмещает в себя дюжину музеев с различными экспозициями, полдюжины не менее уникальных выставок, правительственную резиденцию, канцелярию президента, библиотеку, международный конгресс-центр с разноцветьем флагов стран ОБСЕ над фасадом. В хофбургской сокровищнице хранятся реликвии, среди которых – меч Карла Великого и боевая кость якобы единорога длиной в 2,5 метра. Здесь становится понятным, почему Вену иногда называли городом золотого яблока – только взгляните на один из символов императорской власти, драгоценный державный шар.

Скитающиеся по Хофбургу туристы быстро убеждаются в том, что Габсбурги не зря претендовали на роль, выражаясь современным языком, глобального политического игрока: в музеях можно поглядеть и на бронзовые фигурки из древнего Бенина, и на египетские папирусы, и на античный парфянский фриз, и на латы короля Фердинанда Арагонского, и на головной убор Монтесумы из 450 перьев; даже на глобус, на котором еще не нарисованы Америки. Империи все интересно, у имперского моря нет берегов. Рядом с Хофбургом не зря почти два столетия назад построили Пальмовый павильон – оранжерею для сотен тропических растений и тысяч экзотических бабочек. На крыше бывшей Придворной, а ныне Национальной библиотеки (два с лишним миллиона томов) красуется богиня мудрости Минерва, изображенная в ключевой момент победы над Завистью и Глупостью. В дворцовой капелле по воскресеньям и праздникам вот уже 500 лет распевает Венский хор мальчиков. Во время выступления хористы не видны, слышны только хрустальные голоса. А в Зимнем манеже уже 400 лет почти ежедневно – демонстрация мастерства жокеев, выездка лошадей липицианской породы. Наездники, переходя с одного аллюра на другой, в знак почтения приподнимают головные уборы перед портретом императора.

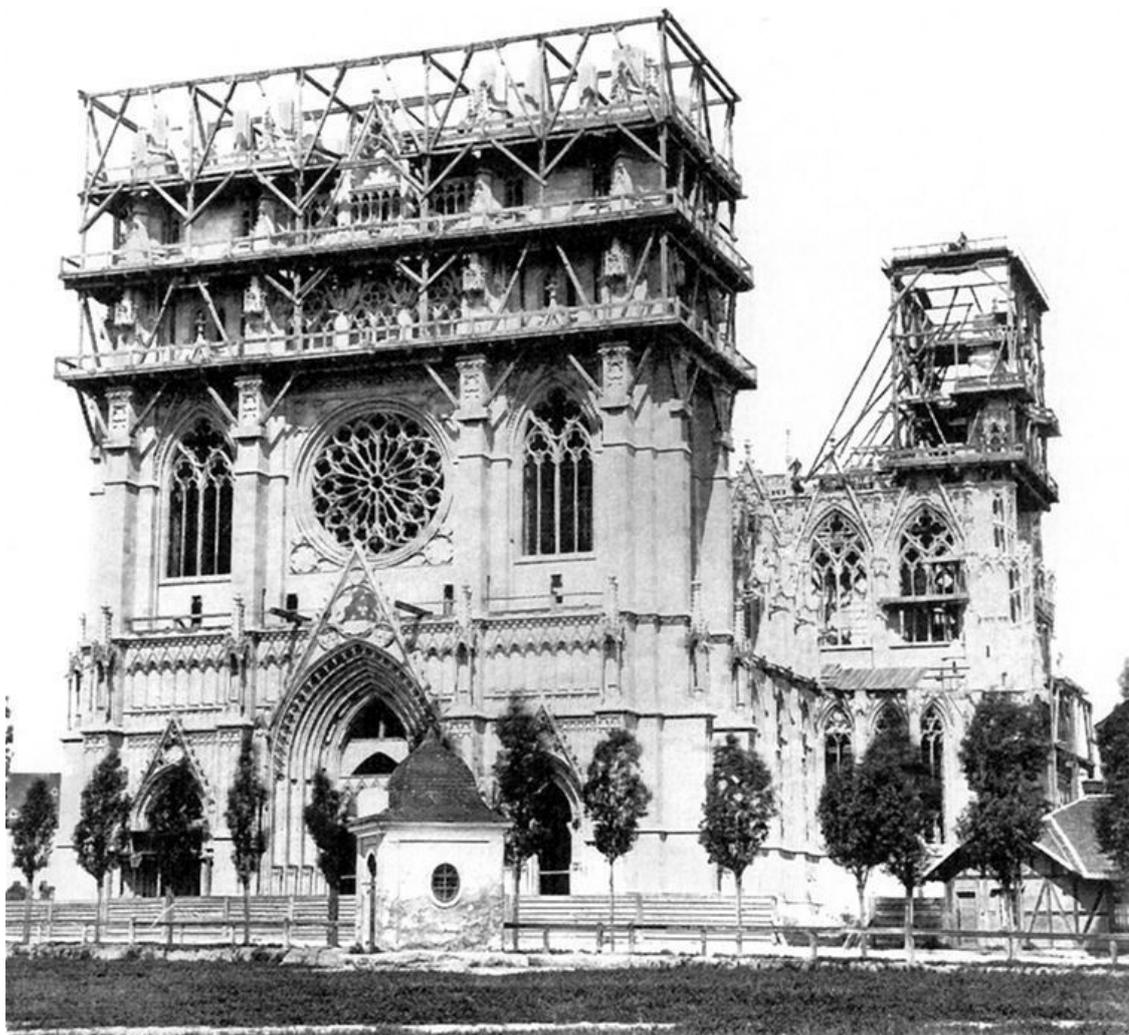
Окружающие Хофбург территории – десяток городских кварталов к северу, западу и востоку – застраивались в стародавние времена для того, чтобы обитатели императорских палат чувствовали себя неизменно комфортно, не знали отказа ни в обычной, ни в духовной пище и, главное, находились в окружении, достойном столь великолепного двора. Австрийский писатель-сатирик Карл Краус заметил по этому поводу: здешние улицы вымощены культурой, тогда как в других городах их асфальтировали. От внешней опасности жителей вен-

ского центра долго берегли крепостные стены. Город впервые окружил себя укреплениями еще 2000 лет назад, в ту пору, когда на месте кельтского поселения римляне оборудовали для защиты дунайской границы той, своей, империи военный лагерь под названием Виндобона, известный, помимо прочего, тем, что император Марк Аврелий, интересовавшийся философией, сформулировал здесь ценные “Размышления”.

Планировка центральных венских улиц до сих пор не изменила древней топографии. К середине XIX века Вена оставалась едва ли не последней европейской метрополией, не покончившей решительно с оборонительными сооружениями. Главные их очереди – сложная система башен, стен, бастионов, валов, рвов, контрфорсов – создавались для защиты прежде всего от османов. Против того, чтобы все это взорвали, срыли, сровняли с землей, уже в эпоху Франца Иосифа до последней возможности возражали не только консервативные придворные, но и военные чины. Генералы, напуганные революционными событиями 1848 года, опасались нового народного бунта. Император, однако, хотел иметь более современную столицу. В 1857 году Франц Иосиф учредил комиссию по городскому развитию, которая обосновала решение, как писала газета *Neue Freie Presse*, “сломать каменный обруч, сковывавший воздетые к небу руки Вены”. О соображениях безопасности все же не забывали: артерии Ринга прокладывали широко и для вольного променада, и для быстрого передвижения войск на случай круговой обороны Хофбурга и его окрестностей. 1 мая 1865 года Франц Иосиф торжественно открыл Бульварное кольцо, главный столичный объект своего величия.

На освобожденных от стен и башен просторах возникали гранитные символы монархической власти. В 1856-м, еще до начала плановой застройки Рингштрассе, была заложена церковь Обета – в честь чудесного избавления императора от смерти. В 1853 году во время прогулки на Франца Иосифа с ножом в руках бросился молодой венгерский националист, подмастерье портного и бывший гусар Янош Либеньи. Монарха спасли от смерти Провидение, преданность оказавшихся рядом со злоумышленником подданных, но прежде всего – жесткий воротник армейского мундира, смягчивший удар ножа в шею. Либеньи схватили и через месяц, после скорого суда, повесили, несмотря на его покаянное письмо императору ¹⁵.

¹⁵ Ножевой удар Либеньи оказался не единственной попыткой покушения на жизнь Франца Иосифа. В 1882 году в Триесте был повешен 20-летний итальянский ирредентист Гульельмо Обердан, метнувший в императора бомбу (погибли двое случайных прохожих). В отличие от Либеньи Обердан не раскаялся, прокричав на эшафоте: *Viva Italia!* Еще через год разоблачили целый заговор: злодеи якобы намеревались не только убить Франца Иосифа, но и поджечь Вену. В 1891 году удалось предотвратить подрыв императорского поезда на трассе Прага – Райхенберг (ныне Либерец в Чехии). В 1901-м по дипломатическим каналам Вене стало известно о том, что заговор против императора планировала международная группа анархистов во главе с обосновавшимся в США немецким политэмигрантом Иоганном Мостом. Предполагалось, что покушение совершит во время аудиенции в Хофбурге молодая русская террористка Аделаида Шумова. Наконец, в 1910 году сербский националист Богдан Жераич собирался расправиться с императором во время его визита в боснийский город Мостар. Однако, приблизившись к Францу Иосифу, Жераич не нашел в себе сил выстрелить.

Строительство церкви Обета. Фото. 1867 год

Строительство пышной, во французском готическом стиле, церкви Обета финансировалось по подписке. Добровольно откликнулись и внесли средства 300 тысяч подданных. Мысль возблагодарить Господа якобы пришла в голову младшему брату императора Максимилиану, однако историки утверждают, что на самом деле идею разработала эрцгерцогиня София, заинтересованная в добрых отношениях между сыновьями. Конкурс на лучший проект храма продемонстрировал наличие в стране патриотического порыва: не считая нескольких иностранцев, заявки подали семь десятков соискателей со всех уголков империи. Победил молодой архитектор Генрих фон Фёрстель, а внутреннее убранство собора доверили богемским мастерам. Храм, производящий сильное впечатление темной жертвенной торжественностью, символизировал единство трона и алтаря в час опасности.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

МАКСИМИЛИАН О’ДОННЕЛЛ, адъютант

Максимилиан Карл Ламорал О’Доннелл родился в 1812 году в Вене в ирландской семье графов О’Доннеллов Тирконнелл, состоявшей на потомственной военной и гражданской службе, в частности, у австрийских и испанских Габсбургов. Среди австрийских О’Доннеллов – десятки офицеров и чиновников, один министр императорского правительства и один фельдмаршал. Максимилиан О’Доннелл получил образование в Дрездене, храбро воевал в императорской армии в Италии и Венгрии. В 1848 году короткое время занимал пост наместника Ломбардии, затем был назначен адъютантом императора Франца Иосифа. 18 февраля 1853 года вместе со случайным прохожим, мясником Йозефом Эттенрихом, обезвредил террориста Яноша Либеньи. В знак благодарности император пожаловал Эттенриху дворянство, а О’Доннелл получил второй графский титул (из-за ошибки при регистрации – под именем О’Донелл). Его также наградили боевым орденом и правом разместить на фамильном гербе изображение двуглавого австрийского орла. После отставки в звании генерал-майора О’Доннелл поселился в Зальцбурге. Скончался в 1895 году.

Кольцо венских бульваров формировалось почти 40 лет, в три продолжительных приема, пережив не одну кардинальную смену архитектурной моды. Негодующие голоса генералов поутихли, ведь полезную площадь в новых помещениях предоставляли и военным. Исторический анекдот гласит: после окончания в 1869 году отделочных работ в похожих на средневековый замок казармах Россауэр выяснилось, что проект здания не предусматривал туалеты. Пришлось пробивать стояки сквозь уже готовые перекрытия. Новостройка вскоре сменила хозяев, в казармах разместили тюрьму, получившую среди горожан известность под женским именем Лизль. Пышным фасадом комплекс Россауэр вывели не прямо на Рингштрассе: занимающее целый квартал солдатское здание отделено от бульвара Шоттенринг линией внушительных доходных домов.

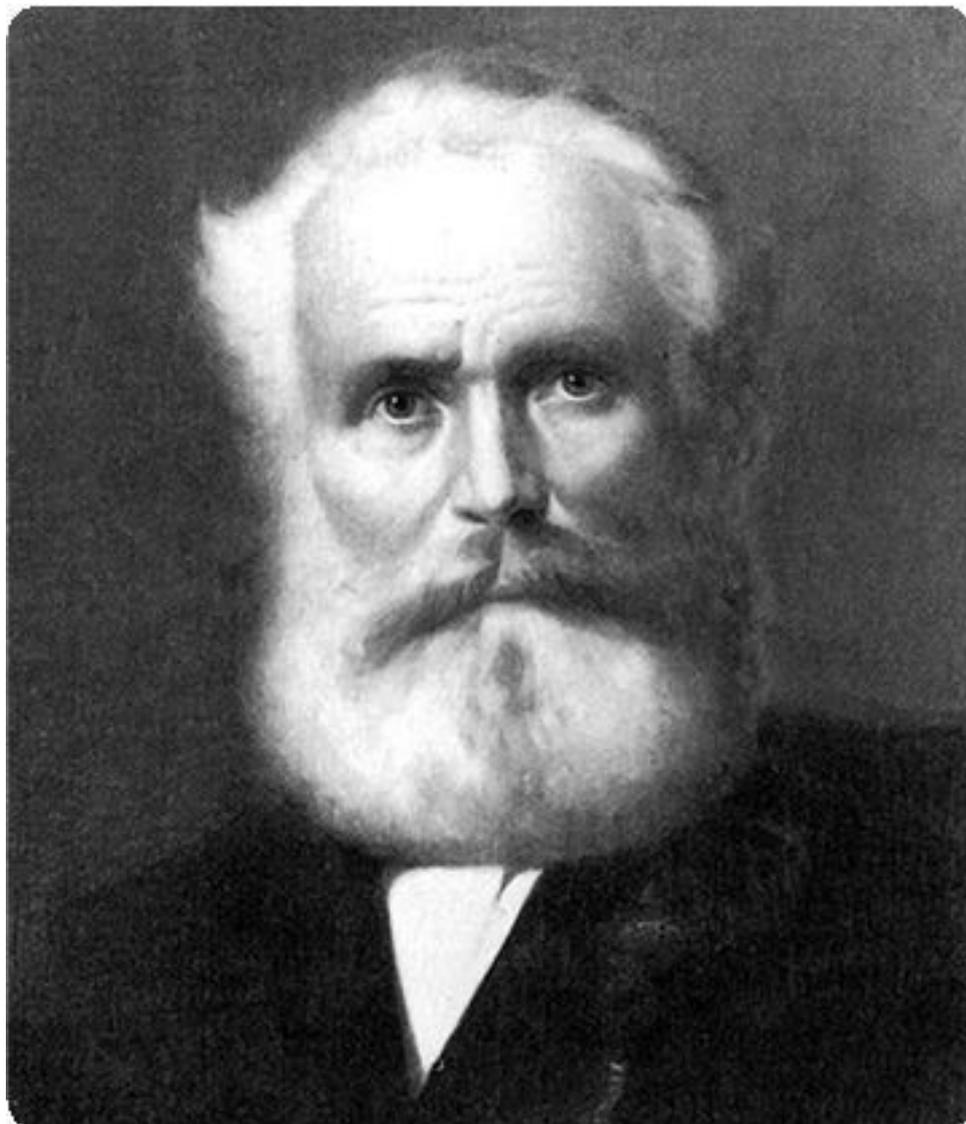
Понятно, что главным смыслом первой в многовековой венской истории целостной урбанистической программы являлось выражение и утверждение ценностей неоабсолютизма, персонифицированного в фигуре Франца Иосифа. Монархизм, однако, связывался и с набиравшей силу (параллельно с медленным ослаблением императорской власти) идеологией *rae liberalis*, “либерального мира”, стремившегося сгладить противоречия многонационального и многоукладного государства. Не случайно главными аллегориями Ринга – вот они, красуются по обе стороны красиво оформленного строительного плана (издание 1860 года) – стали фигуры Закона, Мира и Искусства, а не символы воинских доблестей или гражданских добродетелей императоров. Отличие новых кварталов от старого центра Вены действительно оказалось разительным. *“Идея конституционного закона взяла на Рингштрассе верх над идеей императорской власти, – пишет в книге ‘Вена на переломе столетий’ американский историк Карл Эмиль Шорске. – Светская культура на всем протяжении Кольца одолела культуру религиозную”*. Действительно, урбанизм и буржуазия отвоевали простор у трона и алтаря. Открытием в 1873 году первой городской (не католической) больницы венские либералы словно попытались именем науки отобрать у церкви ее традиционную заботу о людских телах и душах.

Общественные здания Рингштрассе организовывали пространство по горизонтали убедительнее, чем вертикали соборов, символизировавшие связь земной и небесной власти.

Зияющая пустота в центре австрийской столицы – шикарная Рингштрассе оказалась территорией вольного простора – постфактум воспринималась многими венскими интеллектуалами как следствие и свидетельство старения и умирания монархической идеи. Писатель Герман Брох заметил: *“Вене уготован музейный статус, который служит знаком австрийского распада. Распад в убожестве ведет к прозябанию, распад в богатстве ведет к музею. Музейный статус есть прозябание в богатстве”*. По Броху, Вена – город, всегда находящийся в ценностном вакууме, даже “центр европейского ценностного вакуума”. Если слова писателя воспринять буквально, то он и впрямь недалек от истины: Вена набита музейными реликвиями, как бабушкин сундук тряпьем. Простой перечень городских музеев, среди которых обнаруживаются столь экзотические, как музей погребальных обрядов, музей языка эсперанто и музей крепких спиртных напитков, займет не меньше десятка страниц. Столичный Музейный квартал, выросший неподалеку от внешнего обода Рингштрассе (неузнаваемо преобразованные придворные конюшни), занимает 60 тысяч квадратных метров, четверть Хофбурга.

Бульвар Шоттенринг. Фото. 1875 год

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

МИХАЭЛЬ ТОНЕТ, мебельщик

Михаэль Тонет родился в 1796 году в немецком городке Боппард в семье мебельщика. Почти 20 лет производил мебель в Германии, однако запатентовать на родине новую технологию изготовления стульев (из шести элементов гнутой древесины твердых пород, обработанной водяным паром) мастеру не удалось. В 1842 году по приглашению канцлера Меттерниха, ценителя элегантной мебели, Тонет переехал в Вену, где открыл мастерскую *Geb Brüder Thonet* и получил патент на “выгибание дерева любого рода, включая самые негибкие породы, химико-механическим способом с целью получения желательных форм, в том числе округлых”. В 1850-м выпустил венский стул модели *Nr. 1* из буковых элементов, вскоре открыл две мебельные фабрики в Моравии. В 1859 году изобрел самую популярную модель венского стула для кафе, *Konsumstuhl Nr. 14* (до 1930 года произведено 50 миллионов

штук). Пожалован императором дворянским титулом и двумя орденами. Скончался в Вене в 1871 году. К концу XIX века венские стулья выпускали на 60 предприятиях многих стран. После распада Австро-Венгрии наследники Тонета продолжили производство.

Как и другие страны Европы, Австрия, а потом Австро-Венгрия, большую часть XIX столетия искала духовные корни в минувшем. Один из тогдашних теоретиков искусства писал: “Дух нашего века не способен найти собственный путь. У этого столетия нет своеобразного выражения мыслей и чувств”. Творческая мысль, перегруженная знаниями о прошлом, словно утомилась и зашла в тупик. Казалось, что “все уже было”, приходилось пользоваться историческими формами искусства. Модой стало проявление научной эрудированности. Когда фон Фёрстель получил заказ на строительство на Рингштрассе университетского комплекса, он отправился на штудии в Италию, знакомиться с кампусами Рима, Болоньи, Генуи, Падуи.

Вена до последних имперских дней представляла собой огромный рынок художественного труда, а в 1860–1870-е годы стала второй после Парижа европейской строительной площадкой. Сообразно тогдашним представлениям о разумном мироустройстве, моделью которого в Австро-Венгрии и явилась имперская столица, вдоль бульваров Ринга возвели, в частности, неоготический Ратушный квартал с огромным зданием муниципалитета, неоклассический парламентский комплекс циклопических размеров, барочный Придворный театр (“Бургтеатр”). Здания университета и оперы, а также гигантская музейная пара (Музей естественной истории и Музей истории искусств) выстроены в стиле неоренессанс. Как и комплекс Академии изобразительных искусств, где обучались едва ли не все корифеи австрийских живописи и зодчества.

Черета украшающих Рингштрассе зданий-дворцов с исторической судьбой прорежена просторными парками со сферически постриженными лавровыми и кипарисовыми деревьями и нарядными скверами с геометрически вычерченными дорожками. Парки скрывают памятники, павильоны и пруды; скверы охраняют скамьи, беседки и фонтаны. “Вена – трон всей земли”, – восхитился когда-то столицей соседнего государства немецкий естествоиспытатель Якоб Штурм. Вена долго демонстрировала: рисунок обивки, отделка спинки, форма ножек у этого кресла монархов могут быть разными.

Самое внушительное тронное место под открытым небом – тот самый памятник императрице Марии Терезии, установленный по велению ее праправнука Франца Иосифа в 1888 году на пространстве между музеями и кипарисами. Этот бронзовый трон столь же основателен, сколь прочен монументальный постамент русской императрицы (и тоже немки) Екатерины II в Петербурге. Пониже царственных женщин на этих памятниках в позах восхищения помещены фигуры значительных придворных мужчин. Скульптор Каспар фон Цумбуш разнообразил свой монумент не только пешими, но и конными сподвижниками императрицы, а также аллегорическими фигурами. Марию Терезию окружают якобы присущие ей особенности натуры: Мягкость, Мудрость, Сила, Справедливость.

На порталах и фасадах, на выступах ворот и в арочных нишах, в ложах галерей и у фонтанных ванн славу дунайской монархии и превосходные качества правившей ею династии, как и сопутствующие австрийскому историческому пути явления природы и духа, утверждают в Вене не только банальные Вера, Надежда, Любовь, но и реже встречающиеся в архитектурной практике Правосудие, Доброта, Набожность, Героизм, Фантазия, Жизнь, Земное господство, Водное господство, Провидение, Постоянство и даже Пример. Скульпторы не всегда считали необходимым прибегать к аллегориям, иногда высказывались прямо. Барельеф на фронте портика величественного здания парламента представляет собой высеченную в камне картину “Франц Иосиф дарует австрийскому народу конституцию”.

Российский искусствовед Анатолий Стригалева считает “стиль Рингштрассе” архитектурной параллелью живописного стиля популярного в ту пору зальцбургского художника

Ганса Макарта, который, помимо прочего, создавал и архитектурные фантазии вроде огромного полотна “Фасад дворца”. Макарт достиг вершины мастерства, вполне соответствовавшего стилю новой монархической Вены, став режиссером торжественного шествия по случаю серебряной свадьбы императорской четы. “День праздничной процессии Макарта”, 26 апреля 1879 года, запомнился жителям Вены надолго: как ни привыкла столица дунайской монархии к различным торжествам, раньше она не видела ничего подобного. В колоссальном шествии были явлены сцены из истории Австрии, Венгрии и императорского дома, делегации народов и сословий монархии, представители провинций, городов, профессиональных корпораций, технические новшества, включая огромную модель паровоза, артисты, музыканты и художники во главе с самим автором этого супершоу в огромной шляпе, сшитой по собственному эскизу... Франц Иосиф расчувствовался и прослезился. Императрица Елизавета, как всегда в подобных случаях, выглядела усталой, встревоженной и недовольной. Частью праздничных мероприятий стало освящение того самого храма Обета, что строился в знак благосклонности Провидения к Габсбургам. Бедный брат императора Максимилиан, инициатор проекта, до торжественного момента не дожил.

“Стиль Макарта” означал блестящую виртуозность эклектики, романтично-помпезные аллегории, создание многофигурных исторических полотен. И в венской архитектуре проблема поиска стиля ощущалась как приоритетная. Отсюда же сформулированный венгерским журналистом и критиком Лайошем Хевеши (Людвигом фон Хевези) в более позднюю эпоху и ставший девизом венского модерна афоризм над порталом выставочного павильона самой знаменитой художественной группы, Сецессиона: “Времени – его искусство. Искусству – его свободу”.

“Стиль Рингштрассе” вызывал в австро-венгерском обществе бурные споры. Облик венского Кольца концептуально раскритиковал маститый историк искусства и теоретик архитектуры Камилло Ситте, обвинивший создателей Ринга в следовании худшим образцам “бездушного утилитарного рационализма математического века”. Бесконечность улиц не окинуть взором, пешеходов подавляет огромное вытянутое пространство, писал автор термина “агорафобия” (боязнь открытого пространства) Ситте в ставшей классикой для профессионалов книге “Городское строительство согласно принципам искусства”. На Ринге, сетовал критик, вас охватывают ощущения одиночества и бессилия перед господством современного строительства. Ситте предлагал вернуться к античным пропорциям и избрать основным элементом городского планирования не улицу, а площадь. “Отдельно стоящее здание навсегда останется тортом на подносе”, – иронизировал он, приводя в качестве примеров и Венский университет, и парламент на Рингштрассе, и Придворный театр.

Кольцо, особенно при первом посещении, способно ошеломить неподготовленного гостя. Впрочем, кто сказал, что члены императорской комиссии по городскому планированию не добивались от венских проспектов именно величавости? Ее высшим архитектурным выражением должен был стать Императорский форум – огромная площадь, объединяющая новые корпуса Хофбурга со строившимися по другую сторону Рингштрассе музеями-близнецами. Ситте с восторгом отнесся к этому проекту немецкого архитектора Готтфрида Семпера, поскольку увидел в его планах отражение своих идей: сочетание новых принципов организации пространства с античным наследием. Но форум в центре Вены не появился. Семпер поучаствовал в проектировании музейных зданий, возведение которых сопровождалось оживленными спорами, а потом тяжело заболел.

В 1893 году архитектор Отто Вагнер выиграл объявленный городскими властями конкурс на лучший план развития Вены. Выяснилось, что и в градостроительство в очередной раз пришли совсем иные времена. Ключом к решению коммунальных проблем громадной метрополии Вагнер посчитал развитие транспортной инфраструктуры. Центральная идея его проекта – устройство четырех круговых автомобильных и железнодорожных магистралей, пер-

вой из которых стала уже существовавшая Рингштрассе, а второй – пояс бульваров *Gürtel* (что, собственно, и означает “пояс”) на месте фортификационных сооружений прежней “внешней линии обороны” Вены. О соображениях историзма и престижа Вагнер, в отличие от коллег старшего поколения, речь не вел. Своему плану он предпослал девиз *Artis sola domina necessitas*, “Единственная хозяйка искусства – необходимость”. Забавно, что еще в 1880 году тот же Вагнер разработал для родной Вены громадный проект почти сказочного Музейного города *Artibus*, сопоставимого по размерам и помпезности с Хофбургом комплекса зданий в стиле неоренессанс: с портиками и куполами, с целым каскадом поднимающихся в гору арок, с десятком ротонд и сотнями колонн, с Пантеоном искусств посередине этого великолепия. Всего через 15 лет, уже будучи идеологом стиля модерн, Вагнер заявил: “Античной архитектуре нечего сказать современному человеку”.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

КАРЛ ЛЮГЕР, городничий

В 1893 году адвокат Карл Люгер, депутат парламента и великолепный оратор, основал Христианско-социалистическую партию. Идеологию Люгера

отличали ярый клерикализм, консерватизм и антисемитизм. Через два года его партия, опираясь на поддержку и крупной буржуазии, и люмпен-пролетариата, выиграла выборы в городской совет. Император, не симпатизировавший ни Люгеру, ни его политическим взглядам, трижды отказывался утвердить кандидатуру лидера христианских социалистов на пост бургомистра, однако в 1897-м Францу Иосифу все же пришлось уступить. Люгер руководил городским хозяйством до самой смерти (он скончался в 1910 году в возрасте 75 лет) и вошел в историю Вены как лучший ее бургомистр. При нем быстро развивались транспортная сеть и городская инфраструктура; Люгер газифицировал Вену, расширил зеленый пояс, ввел в действие вторую, разветвленную, очередь водопровода. Городские заботы не мешали бургомистру пропагандировать свои, иногда граничащие с расизмом, воззрения. Он придумал Будапешту, пятую часть населения которого составляли в ту пору евреи, оскорбительное название *Judapest*. Некоторые историки отмечают важную роль идей Люгера в формировании мировоззрения Гитлера. Другие исследователи считают антисемитизм Люгера показным, указывая, что в период его пребывания у власти права евреев в Вене не нарушались, а сам бургомистр прятельствовал с членами нескольких влиятельных еврейских семей. Люгеру принадлежит высказывание, часто приписываемое любимшему повторять эту сентенцию Герману Герингу: “Кто здесь еврей, решаю я!” Люгер воспитал целое поколение австрийских политиков правой ориентации. Один из бульваров Рингштрассе назван его именем. Вена почтила память бургомистра сразу двумя, хотя и небольшими, памятниками.

Михаэлерплац и Кольмаркт. Фото Августа Штауды. Ок. 1900 года

Новая городская конструкция предназначалась для нового жителя метрополии – буржуа, которому, по представлению Вагнера, всегда хватало денег, но не времени, который стремился быть современным и восхищался прагматично-монументальным. Этого человека Вагнер решил избавить от ощущения “болезненной неуверенности”, которую якобы внушали жителям Вены и старый Хофбург, и недоделанный еще Ринг. “Неуверенность” Вагнер намеревался победить, задав городскому ансамблю “четкие и чистые линии движения”. Так понимали пространство лидеры венского модерна, в первую очередь художник Густав Климт, и это понимание вскоре заметно изменило концептуальный облик столицы дунайской монархии.

Менялись и представления о духовной сфере. На склоне габсбургской эпохи популярными стали рассуждения об особой венской “зоне эротического”. Эти настроения, как указывают умные книги, были связаны прежде всего с мощным воздействием на образованную публику теорий психоанализа Зигмунда Фрейда. Фрейд, Вагнер, Климт, композитор и дирижер Густав Малер – каждый из них по-своему, каждый в своей области – моделировали в Вене новую жизненную и художественную среду. Актуальную задачу (не только для самого себя, но для всего творческого класса) сформулировал склонный в силу требований профессии к точности дефиниций архитектор Вагнер: “Показать современному человеку его настоящее лицо”. Решение подразумевало и атаку на историзм в науке, живописи, архитектуре; тот историзм, который, как оказалось, и воплощал практическое содержание уходящей габсбургской эпохи. Помпезная Рингштрассе объявлялась “потемкинской деревней”. Зеркала и светильники в руках полуобнаженных красавиц на полотнах Климта стали инструментами нового познания.

Модернизм и декаданс, прогресс и упадок, надежда и разочарование – все то, что явственно ощущалось в австро-венгерском обществе, нашло отражение в югендштиле, стиле нового поколения художников и архитекторов, творивших в Вене на рубеже XIX и XX столетий. На смену Макарту пришел Климт, на смену виртуозу вальсов Штраусу – Малер. Штраус скончался в 1899 году, и кто-то из придворных острословов пустил гулять по венским салонам ядовитую шутку: “По сути дела, Франц Иосиф правил до смерти Иоганна Штрауса”. Намек был ясен: старый император все чаще воспринимался обществом как живой анахронизм, продукт минувшей эпохи. Он и сам, вероятно, чувствовал, что наступают новые, совсем уж непонятные и чуждые ему времена, и выразил свое отвращение к ним, приказав занавесить окна корпуса Хофбурга, выходящие на знаменитый “дом без бровей” – здание, построенное архитектором Адольфом Лоосом в стиле модерн. Совершенно плоский, без декораций, фасад этого сооружения оскорблял эстетическое чувство Франца Иосифа, воспитанного во времена бидермайера – наивного стиля, детали которого символизировали старосветские добродетели времен детства императора. В конце концов Лоосу пришлось принять во внимание недовольствие заказчиков (дом строился под швейное ателье), а главное, монарха и установить на окнах бронзовые цветочные ящики, да еще декорировать пилястрами фасад, чтобы стилистически сблизить свое творение со зданиями императорского дворца. Теперь цветы в ящиках поливают уборщицы *Raiffeisenbank*: ни одному швейнику не осилить аренду такого здания.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

РОТШИЛЬДЫ, богачи

Фамилия *Rothschild* (от немецкого “красный щит”), как гласит семейное предание, происходит от эмблемы меняльной конторы во Франкфурте, владельцем которой был еврей Амшель Мозес Бауэр. Его сын Мейер Амшель, открывший в 1760-е годы антикварную лавку, и считается основателем знаменитой династии предпринимателей. Пятерых детей Ротшильда, отправленных отцом для развития семейного банковского дела в разные страны Европы, называли пятью пальцами одной руки. После смерти Ротшильда-старшего совокупный семейный капитал вдвое превышал активы Французского банка. Третий из братьев Ротшильдов, Соломон Мейер (1774–1855, на иллюстрации), поселился в Вене и в 1820 году учредил банк *S. M. von Rothschild*, ставший одним из главных финансистов дома Габсбургов и многих австрийских государственных проектов (в том числе первой в империи железной дороги). В 1822 году Ротшильды получили баронские титулы, в 1855-м основали превратившийся впоследствии в крупнейший в Австро-Венгрии банк *Creditanstalt*. Состояние венской ветви семейства приумножили сын Соломона Ансельм (1803–1874) и внук Альберт (1844–1911). Альберт фон Ротшильд в 1877 году стал первым иудеем, удостоенным придворных

привилегий. К тому времени семья Ротшильдов владела обширными землями, предприятиями в разных краях страны, несколькими замками в Австрии и Богемии, а также дворцами в Вене с уникальными художественными собраниями. Альберт фон Ротшильд вел активную благотворительную деятельность, в том числе финансировал работу венской обсерватории. Дело Ротшильдов пережило падение габсбургской империи, но после аншлюса Австрии банкиры за бесценок продали свой бизнес в обмен на разрешение уехать из страны. Процесс возвращения Ротшильдам части имущества и художественных ценностей затянулся на десятилетия. Последний австрийский Ротшильд умер бездетным в 1980 году.

Тем не менее, нравилось это императору или нет, стены зданий в его столице отныне переставали быть “вешалками” и “подставками” для декоративных элементов – они превращались в функциональные плоскости, они подчеркивали “направление”, как учил Вагнер. На рубеже веков “плоскостные” дома заполнили последние пустоты вдоль кольца бульваров в квартале Штубен, сформировали деловую улицу Винцайле. В Вене торжествовал рационализм, главенствовала функция. Проектировали быстро и без пафоса, технично, технологично, прагматично; строили из монолитного железобетона – универсального несгораемого материала. Труд и отдых больше не скрывались за барочными или ренессансными фасадами. Первые этажи, на которых помещались магазины, конторы, приемные покои, были опоясаны декорациями из железа и стекла. Каменные гирлянды, вазоны, скульптуры (если они имелись) вознеслись под крыши. Архитектура Вагнера отделила человека работающего от человека праздного; первого занимало дело, а второго градостроитель наделил капризным художественным вкусом.

Для старой Австрии было характерно отождествление многих явлений не со страной, народом, нацией, а со столицей государства. Эта формула, наверное, уникальна: не австрийская, а венская кухня; не австрийская, а венская опера; не австрийский, а венский модерн, и далее – от венского кофе до венского вальса, от венской школы психоанализа до венского стула. Сравните название литературного кружка “Молодая Вена” с возникшими в то же время в других странах Европы художественными группами – “Молодая Франция”, “Молодая Польша”, “Молодая Бельгия”. Дунайская монархия оказалась столь пестрой, что слишком трудно свести ее к общему культурному знаменателю. Зато Вена представляла собой целостное, компактное духовное пространство. Для множества подданных Габсбургов этот город воплощал в себе государственные традиции и сам смысл австро-венгерского существования. Именно в Вену подтягивались честолюбивые чиновники, юристы, литераторы, врачи, офицеры из Праги и Аграма (Загреба), Лемберга (Львова) и Триеста, Кракова и Лайбаха (Люблины). Здесь формировался особый уклад, сочетавший в себе ценности соседних национальных культур. *“В том и состоял истинный гений этого города, чтобы гармонично соединять контрасты в Новое и Своеобразное, в австрийское, в венское”,* – написал Стефан Цвейг. Это-то “венское” в значительной мере заменило собой “национальное”.

Историк Карл Воцелка сделал такой вывод: *“Вся история Вены и вся история Австрии проходят через габсбургский миф. Основные компоненты этого мифа – отсутствие национальной замкнутости и даже чрезвычайная открытость австрийского общества, приверженность бюрократии и гедонизм”*. Габсбургская мифология развилась и укрепилась благодаря согласию народов, согласию “верхов” и “низов”. По задумке Франца Иосифа, каждый район Вены должен был стать посвящением одному из народов Австро-Венгрии. Из этой затеи мало что получилось, однако во втором городском районе, Леопольдштадте (где некогда располагалось еврейское гетто), успели построить копию венецианского дворца *Ca' d'Oro*. Итальянским подданным монархии это палаццо должно было напомнить о солнечной родине, процветание которой зависело от мудрости Габсбургов. Вскоре Австро-Венгрия потеряла Венецию, и

венское палаццо из символа единства стало знаком потери. Теперь только кафе *Palazzo Ducale* напоминает о первоначальном идеологическом назначении этого здания.

Немецкоязычные интеллектуалы – те из них, для кого годы молодости пришлись на последние габсбургские десятилетия, – вспоминали Вену как город особого австрийского менталитета, “нервного до кончиков пальцев”, менталитета людей “с тонким нёбом, но без кулаков” (Герман Бар). “Габсбургская империя переживала внутренний распад, как и вся Европа, только этот распад оказался двойным: по вертикали – в том, что касается национальностей; по горизонтали – в том, что касается классового и социального расслоения”, – с горечью констатировал современник. Для западной культуры конца XIX столетия вообще-то характерны такие настроения упадничества. Однако и Цвейг, и Йозеф Рот, и Музиль убеждали читателей: для Вены подобные настроения были характерны вдвойне. Возможно, речь в данном случае идет о рассуждениях *ex post*, ведь все перечисленные и многие другие авторы вспоминали об Австро-Венгрии, когда ее уже не было, из тревожной и опасной середины XX века. 1918 год, разделивший их жизни, был историей, а история обладает коварным свойством самооправдания: если что-то случилось, значит, и должно было случиться.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

БЕРТА ФОН ЗУТТНЕР, нобелевский лауреат

Берта родилась в 1843 году в Праге в семье фельдмаршала Франца Йозефа Кински, скончавшегося до рождения дочери. Получила классическое образование. Несколько недель работала в Париже секретарем Альфреда Нобеля, с которым сохранила многолетние дружеские отношения. В 1873 году стесненное финансовое положение заставило Берту фон Кински наняться гувернанткой в дом венского промышленника барона фон Зуттнера. В 1876 году она вышла замуж за младшего сына барона, Артура. Поскольку родители жениха не дали согласия на брак, молодые вынуждены были покинуть Вену. Воспользовавшись приглашением подруги Берты, грузинской княжны Екатерины Дадиани, фон Зуттнеры на десять лет обосновались в Тифлисе. Вместе с мужем в годы русско-турецкой войны Берта занималась журналистикой, работала санитаркой в госпитале, выступала против пропаганды милитаризма. Опубликовала четыре сентиментальных романа, сочиняла пьесы и эссе. Вместе с супругом перевела на немецкий язык эпос Шоты Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В 1886-м чета фот Зуттнеров переехала в Париж, а еще через два года, после примирения с семьей мужа, вернулась в Вену. Вскоре Берта фон Зуттнер опубликовала вызвавший громкий международный резонанс антивоенный роман «Долой оружие!». В 1891 году баронесса основала Австрийское общество мира – первую пацифистскую организацию в Австро-Венгрии. Вела активную международную общественную деятельность, организовывала конференции пацифистов, редактировала антивоенный журнал. В 1905 году стала первой в истории женщиной – лауреатом Нобелевской премии мира. Скончалась в Вене за полтора месяца до начала Первой мировой войны. Профиль баронессы фон Зуттнер выбит на австрийских монетах номиналом два евро.

Кафе Schwarzenberg. Фото. 1900 год

Воспоминания многих знаменитых жителей Вены и других бывших подданных Австро-Венгрии производят парадоксальное впечатление. Подчеркивая настроения декаданса, якобы столь распространенные в дунайской монархии и ее столице, эти авторы в то же время тоскуют по надежности имперского мира. Бурная культурная жизнь Вены на рубеже позапрошлого и прошлого веков сама по себе служит доказательством того, насколько живым и развивающимся было тогдашнее общество, в котором модный сплин и дурные предчувствия сочетались с позитивистской уверенностью в том, что мир хоть и несовершенен, но познаваем пытливым человеческим опытом и подлежит постепенному улучшению на рациональных началах. Эта философия вполне сочеталась с мировоззрением старой австрийской династии, привыкшей жить долгом и разумом в гораздо большей мере, чем чувствами или верой, – не забывая при этом, конечно, и о приятной, умеренно гедонистической стороне бытия. Вена времен Франца Иосифа удачно олицетворяла эти три начала: империю – монументальное дело Габсбургов; рационализм устройства дунайской монархии, сочетавшей в себе традицию и новации, консерватизм и реформы; эстетику и уют как напоминание о быстротечности и суетности жизни, которая именно потому заслуживает того, чтобы пробовать ее на вкус размеренно и не спеша, будто легкое вино с виноградников венского района Гринцинг.

Настоящая империя – это не только попытка завоевателей навязать покоренным свое. Настоящая империя позволяет всем подчиненным ею народам жениться на ком хотят и молиться кому хотят, если при этом они сохраняют лояльность имперскому центру; настоящая империя управляет присоединенными народами руками их же собственных элит. Габсбурги демонстрировали это умение дольше любой другой европейской династии. Не случайно имперское государство поддерживало венский модерн: это направление творческой мысли было наднациональным, а значит, противоречило сепаратизму, укрепляя традиции универсализма. Психоаналитическая практика Фрейда, как и архитектурные проекты Вагнера, как и полотна и росписи Климта, вызвала живую общественную дискуссию, фокус которой сходил не только на проблемах творчества, но и на обсуждении “австро-венгерскости”.

Хозяйка модного венского литературного салона Берта Сепс-Цукеркандль (дочь еврея-газетчика из Восточной Галиции и жена известного патологоанатома, немца родом из южной Венгрии) писала: “Это вопрос сохранения чистой австрийской культуры, той формы искусства, которая связывает воедино все достоинства наших бесчисленных народов в новом горделивом единстве”. Премьер-министр Австрии Эрнст фон Кёрбер свою прогрессивную мысль выразил по-чиновничьи суконно: “Хотя любое творческое развитие имеет свои корни в национальной почве, все искусства говорят на одном языке и помогают добиться взаимного уважения и признания”. Та же Сепс-Цукеркандль ввела в венский оборот понятие *Kunstvolk* – “народ искусства” как определение наднациональной общности. И хотя в австро-венгерской пробирке новый человек так и не вывелся, столица бывшей империи по сей день сохраняет в своей архитектуре, в своей живописи, в именах своих жителей и образе их существования следы этого сложного эксперимента.

Привозите в Вену родителей, они заслужили удовольствие степенной прогулки по священному кругу габсбургской славы! Вашим родителям в Вене понравится. Здесь с равной аккуратностью реставрируют здания, пекутся о старине и оберегают традиции: венской оперы, венского вальса и венских оперных балов; венских яблочных пирогов и венских засахаренных цветочных лепестков, элегантно уложенных в венские коробочки; венских бутоньерок и венской школы выездки; венской кухни со шницелем размером с лопух и свиной котлетой на косточке.

2

Карта империи

*Боже, буди покровитель
Цісарю, Єго краям!
Кріпкий вірою правитель,
Мудро най проводить нам!*

*Прадідну Єго корону
Боронім від ворога!
Тісно із Габсбургів троном
Сплелась Австрії судьба!*

“Песнь кайзера”, 1854¹⁶

Как и многие другие деятели, Габсбурги вошли в историю под искаженным именем ¹⁷. Вообще-то это семейство, первые упоминания о котором относятся к X веку, носило фамилию Хабахтсбург. Так (“Ястребиный замок”) называлась крепость на юго-западе Германии, построенная одним из представителей рода, который уже тогда входил в число пусть и не первых, но известных и зажиточных германских дворянских семейств. Любопытно, что Хабахтсбург находился относительно недалеко от другого замка – Цоллерн, или Гогенцоллерн, давшего имя будущей прусской королевской династии, успешному сопернику Габсбургов в XVIII–XIX столетиях.

¹⁶ Музыка *Volkshymne* (с 1952 года она используется в качестве гимна ФРГ) написал в 1790-е годы крупнейший австрийский композитор Франц Йозеф Гайдн, вдохновленный британским королевским гимном. Текст “Песни кайзера”, *Kaiserlied*, восхвалявший императора, менялся после вступления на престол каждого нового Габсбурга. В 1854 году гимну придали более обезличенную форму; имена императора и императрицы упоминались лишь в одной строфе. Немецкий текст перевели на десять основных языков народов Австро-Венгрии (включая идиш и фриульский диалект итальянского). Мы цитируем первую и вторую строфы украинского варианта *Volkshymne*. На венгерских территориях империи официальный статус имела и торжественная песнь *Himnusz*, также известная по первой фразе “Боже, благослови мадьяр!”. Текст авторства Ференца Кельчеи в 1844 году положил на музыку Ференц Эркель.

¹⁷ Другой известный пример такого рода – знаменитый полководец XVII века Альбрехт Евсевий фон Валленштейн, герцог Фридрихландский, служивший императору Фердинанду II Габсбургу и убитый в 1634 году по его приказу. Благодаря драмам Фридриха Шиллера мир знает этого человека как Валленштейна, хотя на самом деле он Вальдштейн – по названию родового замка на севере Богемии.

Рождение монархии

Впервые европейскую известность род Габсбургов получил в 1273 году, когда его главу, Рудольфа I, избрали на трон Священной Римской империи. Курфюрсты (князья-выборщики), отдавшие голоса “захудалому графу” после долгого междуцарствия, рассчитывали получить послушного и не так чтобы чрезмерно влиятельного императора. Вышло иначе: Рудольф I оказался умным и ловким правителем. Он не слишком приумножил славу империи, зато существенно укрепил позиции своего семейства. В 1278 году войско Рудольфа разбило в битве на Моравском поле ¹⁸ армию чешского короля Пржемысла Отокара II, претендовавшего на гегемонию в Центральной Европе. Сам “король золотой и железный”, как называли Пржемысла на родине, пал в бою. Покойному принадлежали земли Верхней и Нижней Австрии, которые Пржемысл приобрел благодаря браку с последней наследницей рода Бабенбергов ¹⁹, пресекшегося после гибели герцога Фридриха Воинственного в битве с венграми у реки Лейты. Рудольф I отдал оставшуюся бесхозной Австрию в удел сыновьям. Так Габсбурги пришли на берега Дуная – на шесть с лишним веков.

После Рудольфа императорскую корону какое-то время носил его сын Альбрехт I, но, когда этот жесткий и агрессивный монарх был убит, курфюрсты предпочли кандидата из другого знатного рода. Это дало Габсбургам возможность заняться укреплением и расширением альпийских владений. Вскоре под контроль австрийского дома перешли многие горные перевалы в Альпах, важные для торговли между Германией и Италией, Тироль и Каринтия, Крайна и Горица (области в современной Словении), а также некоторые территории на нынешнем северо-востоке Италии. К XV веку возникла база для нового выдвижения Габсбургов на передний план европейской политики.

В это время большую часть родовых австрийских земель объединил под своей властью герцог Альбрехт V (позднее, как римско-германский император, – Альбрехт II). Этого воинственного и набожного правителя избрал союзником тогдашний император Сигизмунд из люксембургской династии, прозванный Рыжим лисом. У Сигизмунда не было сыновей, и, выдав за австрийца единственную дочь, старый император стал готовить зятя к роли преемника. В 1437 году, после смерти Сигизмунда, Альбрехт II действительно стал императором, а вдобавок еще и венгерским и чешским королем (эти государства были тогда выборными монархиями, короля избирали представители сословий). Так впервые возник призрак центральноевропейской империи Габсбургов, но ненадолго: два года спустя Альбрехт скончался от дизентерии во время похода против османов, и после ранней смерти его сына Ладислава чешская и венгерская короны на время уплыли из рук австрийской династии.

Корона Священной Римской империи у Габсбургов, однако, осталась. Ею более полувека владел представитель другой ветви габсбургского рода – Фридрих III, грубоватый нелюдимый человек, увлеченный алхимией и коллекционированием драгоценных камней. Фридрих оказался неважным полководцем (в конце его правления агрессивный венгерский король Матиаш Корвин даже выгнал императора из Вены), зато стал одним из организаторов династического брака, последствия которого принесли Габсбургам невиданное могущество. Сын Фридриха Максимилиан женился на первой невесте Европы, наследнице Бургундского герцогства Марии. Герцогам Бургундским принадлежали территории нынешних Бельгии, Голландии,

¹⁸ В немецкоязычной историографии более известна как битва у Дюрнкрута.

¹⁹ Бабенберги – первая княжеская династия в Австрии (976–1246). В 996 году, в пору правления второго по счету Бабенберга, Генриха I, в рукописях упомянуто название *Österreich* (“восточная держава”), под которой подразумевалась “область в марке [пограничном владении] и графстве Генриха, сына маркграфа Леопольда”. Употребление латинских терминов *Austrianterra orientalis* применительно к владениям Бабенбергов (в долине Дуная с центром в городе Мельк) зафиксировано около 1000 года.

Люксембурга, а также земли на западе Германии и северо-востоке Франции. Этот брак столкнул интересы Максимилиана I, который после смерти отца тоже стал императором ²⁰, с интересами Франции, претендовавшей на бургундские земли. В результате Габсбурги сблизились с другим противником французов, Испанией, только что завершившей Реконкисту ²¹. Вражда же австрийского дома с французскими династиями – Валуа, Бурбонами и Бонапартами – продолжилась несколько веков.

Бургундское наследство даровало Габсбургам еще и символ, ставший важной деталью монархической репрезентации, – орден Золотого руна. Учрежденный в 1430 году Филиппом III Бургундским и перешедший к Габсбургам рыцарский знак (изображение похищенного аргонантами в Колхиде руна на цепи из 28 звеньев) до сих пор считается почетной европейской наградой, а сам орден – собранием представителей знатнейших аристократических семей. Кавалер ордена Золотого руна, в начале XVIII столетия разделившегося на две ветви, испанскую и австрийскую, обязан иметь 16 благородных предков (всех прапрадедов и всех прабабок). Великими магистрами ордена не одно столетие оставались императоры Священной Римской империи. Золотое руно пережило свою эпоху: в 1953 году орден признан правительством Австрии в качестве института Габсбургского дома. Управление делами ордена, как с улыбкой пояснил нам Карл фон Габсбург, было первым “династическим” поручением, полученным им от отца – Отто, старшего сына последнего императора: “Я горд тем, что стою во главе организации, которая за последние 600 лет практически не меняла свои правила, причем не из-за нежелания или чрезмерного консерватизма, а в связи с отсутствием необходимости. Эти правила вполне современны и сегодня”.

С одним нашим критическим замечанием относительно консерватизма ордена Золотого руна, впрочем, его великий магистр согласился: среди 50 кавалеров и теперь не бывает женщин. Правда, в 1668 году императрица Элеонора, супруга Фердинанда III Габсбурга, учредила специальный, парный мужскому “золоторунному”, Благороднейший дамский орден Звездного креста. Этой почетной институцией уже три с половиной столетия также управляют Габсбурги. С 2007 года во главе ордена Звездного креста стоит младшая сестра Карла Габриэла – та самая, что была послом Грузии в Германии, но вообще-то она современный художник, работает с инсталляциями и скульптурами из нержавеющей стали.

Полушутливый фрагмент нашей беседы об ордене Золотого руна, кстати, подтверждает фамильные качества Габсбургов: традиционализм, осмотрительная неторопливость, умение соразмерять свои действия с веяниями времени. Напомним, что многие представители рода отличались долголетием: император Фердинанд Добрый прожил 82 года, Франц Иосиф – 86 лет, Отто фон Габсбург – 98 лет. Может быть, поэтому Карл фон Габсбург, которому в год столетия краха Австро-Венгрии исполнилось 57, не торопится передавать хотя бы некоторые из полномочий главы дома сыну: “Фердинанд Звонимир занимается собственной карьерой, которая подразумевает наличие энергии и концентрацию. Пока я от сына ничего не требую, лишь время от времени предлагаю ему представлять семью на публичных мероприятиях. Он делает это с удовольствием и весьма успешно. Я не думаю менять нынешнюю схему и считаю, что это и в интересах моего сына”. 21-летний Фердинанд Звонимир фон Габсбург-Лотринген (его мать – урожденная Франческа Тиссен-Борнемиса, баронесса) – профессиональный авто-

²⁰ Со времени избрания Альбрехта II на римско-германский трон в 1437 году корона Священной Римской империи принадлежала Габсбургам почти непрерывно, вплоть до ее упразднения. Единственным кратким перерывом был период с 1742 по 1745 год, когда во время войны за австрийское наследство императором (под именем Карла VII) был избран баварский курфюрст Карл Альбрехт.

²¹ *Reconquista* (исп.: “отвоевание”) – процесс постепенного вытеснения с Пиренейского полуострова арабских завоевателей, появившихся там в VIII веке. Реконкиста завершилась в 1492 году покорением Гранадского эмирата в царствование “католических королей” Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, преемниками которых на испанском троне стали Габсбурги.

гонщик класса *Formula 3*, участник чемпионата Европы 2017 года. Легко предположить, что пока он редко размышляет об утраченном бургундском наследстве Габсбургов...

Новый династический брак в 1496 году связал Филиппа Красивого, сына Максимилиана I и Марии Бургундской, с испанской принцессой Хуаной. Союз вышел нерадостным для обоих супругов: легкомысленного Филиппа тяготила вспыльчивая Хуана, у которой вскоре проявились признаки душевной болезни (в истории она известна как Хуана Безумная). Но с политической точки зрения важнее было другое: все шестеро детей Филиппа и Хуаны стали обладателями различных европейских корон. Недаром неофициальным лозунгом австрийского дома была фраза *Bella gerant alii, tu felix Austria nube* – “Пусть воюют другие, ты, счастливая Австрия, заключай браки”. Большую часть своих владений Габсбурги завоевали не мечом, а ловкой матримониальной политикой.

Старший сын Филиппа и Хуаны, Карл, унаследовал трон Испании, а затем стал римско-германским императором Карлом V. Второго сына, Фердинанда, ждала иная судьба. В 1515 году его дед Максимилиан I договорился с Владиславом II из династии Ягеллонов, носившим венгерскую и чешскую короны, о двойном династическом браке. Дети Владислава, Людовик и Анна, по достижении совершеннолетия должны были связать себя брачными узами с внуками Максимилиана Габсбурга, Марией и Фердинандом. Но Людовик, унаследовавший от отца оба королевства, в 1526 году, в возрасте 20 лет, утонул, спасаясь от османов после проигранной битвы при Мохаче²². По соглашению Габсбургов и Ягеллонов в случае пресечения одной династии ей наследовала другая. Фердинанд как муж сестры бездетного Людовика Анны стал претендентом на венгерский и чешский престолы – и добился от сословий обеих стран признания своих прав на трон. К тому времени под властью Фердинанда I уже находились наследственные австрийские земли, полученные им в управление от старшего брата. Именно с 1526 года следует вести отсчет истории центральноевропейской монархии Габсбургов.

Династическая политика австрийского дома принесла действительно выдающиеся результаты. К середине XVI века этой фамилии принадлежали: старшей испанской ветви²³ во главе с Карлом V – Испания (с колониями в Америке), Нидерланды, значительная часть Италии, а также корона Священной Римской империи; младшей австрийской ветви во главе с Фердинандом I – Австрия, Богемия и Венгрия (правда, “ополовиненная” Османской империей). Не стоит, впрочем, думать, что все это стало следствием спланированных действий. Часто Габсбургам просто везло. К примеру, выживи испанский наследник, старший брат Хуаны Безумной, скончавшийся (как утверждают, от чрезмерных любовных утех) совсем юным, или молодой король Людовик Ягеллонский, империя Габсбургов, может, и не возникла бы. Но и в этом случае Австрийский дом, несомненно, стал бы одной из самых влиятельных фамилий Европы. Усилия Фридриха III и Максимилиана I, которые тщательно и терпеливо плели династические кружева, не пропали даром.

²² Мохач – дунайский город на юге нынешней Венгрии, в окрестностях которого армия султана Сулеймана I нанесла тяжелое поражение объединенному чешско-венгерско-хорватскому войску. В результате часть территории Венгерского королевства вместе с Будой перешла к османам. Столицей “остаточного” венгерского государства, так называемой королевской Венгрии, на два с половиной столетия стал город Пожонь (Братислава).

²³ Габсбурги правили Испанией два столетия, до 1700 года, когда со смертью короля Карла II испанская ветвь этого рода пресеклась. Последовала многолетняя война за испанское наследство, и в результате корона перешла к Бурбонам, у которых и остается по сей день. Первый испанский Бурбон, Филипп V, по материнской линии приходился Габсбургам близкой родней.

Юность монархии

При Фердинанде I, первом правителе новой империи, этой империи, собственно, еще не существовало. Было несколько королевств и княжеств, объединенных особой монархией, но имевших разные законы, обычаи, политическое и экономическое устройство. Целых три столетия, до начала XIX века, Габсбурги страдали политическим косоглазием. Они следили за соблюдением своих интересов в Германии, которая формально подчинялась им как римско-германским императорам, но фактически превратилась в конфедерацию самостоятельных государств, и в то же время укрепляли “наследственные земли”, как стали называть австро-венгерско-чешский конгломерат, возникший при Фердинанде I. “Закономерно, что выбор историей пал на Габсбургов, – отмечает российский историк Тофик Исламов, – ибо только им было под силу осуществить дело объединения и, что немаловажно, устойчиво обеспечить поддержку оказавшейся в беде Центральной и Юго-Восточной Европы со стороны Германии”. В XVII–XVIII веках Австрийскому дому приходилось защищаться как от османов на юго-востоке, так и от Франции на западе. Едва Габсбурги с большим (как с османами) или меньшим (как с французами) успехом решили эти задачи, как на горизонте появился новый опасный соперник – “железное королевство” прусских Гогенцоллернов, бросившее вызов доминированию австрийской династии в Германии.

Габсбурги постепенно трансформировали внутреннее устройство “наследственных земель”. Еще в XVII столетии чешские земли и Венгрия утратили статус сословных, выборных монархий: обе короны стали наследственными в Австрийском доме. Однако венгры, в отличие от чехов, сохранили существенную часть вольностей. Дворяне оказались и гордостью, и бедой Венгрии. Именно через принадлежность к веками определявшему общественное сознание правящему классу там рождалось само понятие нации. Енё Сюдч в исследовании “Три исторических региона Европы” напоминает о том, что в венгерском обществе между шляхтой и другими социальными слоями издревле существовала глубокая пропасть. К исходу Средних веков в Венгрии примерно каждый двадцатый житель был дворянином²⁴, во Франции – только каждый сотый. В то же время доля крепостного населения в Венгрии во много раз превышала этот показатель в западноевропейских странах. Дворянское звание освобождало от уплаты налогов, дворяне считали постыдным для себя торговать, заниматься любым ремеслом, вообще работать; их уделом были военная служба, придворные забавы, изящные искусства (правда, и в XVIII веке немногие благородные господа владели грамотой). В этих обстоятельствах историки видят причины социально-экономического отставания Венгрии от передовых стран Европы: медленно эволюционировали сословия, долго не находилось мотивации к развитию, вечно не хватало предприимчивости.

²⁴ В XVI–XVII столетиях бывали случаи, когда за особые отличия в битвах с османами дворянское звание в Венгрии даровалось целым деревням. Поэтому шляхетство в этой стране (как и в соседней Польше) означало определенный набор традиций и ценностей, но далеко не всегда дополнялось благосостоянием. Наряду с преуспевающими магнатскими семействами (Эстерхази, Палффи, Баттяни, Карои, Тиса) в Венгрии жили десятки тысяч дворян, чьими главными богатствами были фамильные честь и герб.

“Австрийская топография”. Немецкая гравюра, 1679 год. На постаменте – первый император Священной Римской империи из династии Габсбургов Рудольф I. В нижней части рисунка, рядом с аллегориями Мира и Изобилия, – император Леопольд I

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

ПРИНЦ САВОЙСКИЙ, перебежчик

Принц Евгений (1663–1736) происходил из младшей ветви савойского герцогского рода. Он состоял в отдаленном родстве с Габсбургами: его прапрадедом был Филипп II, король Испании. Но принц родился подданным французского короля, которому служил его отец. На военную службу к Людовику XIV хотел поступить и Евгений, однако надменный король отверг просьбу низкорослого, тщедушного юноши. Уязвленный, Евгений отправился в Вену. Император Леопольд I, сам не богатырского сложения, пожаловал принцу офицерский патент – и не прогадал: в битве с османами у стен Вены (1683) Евгений Савойский проявил отчаянную храбрость. Карьера молодого военного развивалась стремительно: принц в 22 года стал генералом. В 1686 году он сыграл важную роль при взятии Буды, а через 11 лет разбил армию султана при Зенте (ныне Сента в Сербии). Вскоре Евгений Савойский получил возможность отомстить королю Франции за обиду, встав во главе габсбургских войск в войне за испанское наследство. На боевом счету Евгения – поразивший воображение современников переход через Альпы (1701) и

победы над лучшими маршалами Франции. В 1703 году император назначил принца председателем придворного военного совета. На этом посту Евгений Савойский пытался проводить административные и военные реформы, но не смог преодолеть сопротивление дворцовых консерваторов. Больше везло принцу на поле битвы: в новой войне с османами в 1716–1718 годах он прославился взятием Белграда, в ту пору носившего восточное название Дараль-Джихад, “крепость святой войны”. На пороге старости, в 1733 году, принц снова встал во главе габсбургских войск – в войне за польское наследство, но на сей раз без особого успеха. Был известен как меценат и коллекционер, его библиотека и художественные собрания числились среди крупнейших в Европе. Наполеон считал Евгения Савойского одним из величайших полководцев. Конные памятники принцу установлены в Вене и Будапеште.

В 1740 году именно венгерская шляхта способствовала спасению монархии Габсбургов. Тогда со смертью императора Карла VI австрийская династия пресеклась по мужской линии. И “наследственные земли”, и большинство иностранных держав признали Прагматическую санкцию – изданный Карлом VI закон, по которому в случае отсутствия наследников-мужчин все короны Габсбургов (кроме императорской, которая оставалась выборной) переходили к его старшей дочери Марии Терезии. Но стоило императору отдать Богу душу, как у Франции, Баварии, Пруссии, Саксонии возникло множество возражений и претензий, вылившихся в войну, которую эти державы объявили 22-летней австрийской наследнице. “Я осталась без денег, без кредита, без армии, без собственного опыта и знаний и без толковых советников”, – вспоминала Мария Терезия. Тут на помощь пришла венгерская шляхта, заключившая с Веней выгодную сделку: сохранение и укрепление традиционных сословных свобод в обмен на дополнительный военный налог и армию в поддержку королевы. В Париже и Мюнхене были неприятно удивлены: там ожидали, что венгры окажутся первыми изменниками. Однако, как выяснилось, к середине XVIII века уже не только политический расчет, но и традиция и чувство лояльности связывали венгров с династией Габсбургов. А вот чехи оказались не столь верными: в 1741 году, после падения Праги, часть богемской и моравской шляхты и городов присягнула Карлу Альбрехту Баварскому, сопернику австрийской наследницы. Отвоевав королевство, умная Мария Терезия не стала жестоко карать предателей, излив свое разочарование лишь в сравнении чешской короны с шутовским колпаком.

Правление Марии Терезии и ее сына (и соправителя в 1765–1780 годах) Иосифа II длилось в общей сложности полвека. В эту эпоху просвещенного деспотизма конгломерат “наследственных земель” начал приобретать черты действительно единого государства – притом что одним из важнейших факторов, определявших структурный облик империи, оставалось особое положение Венгерского королевства, закрепленное событиями 1740 года. Можно сказать, что предпосылки дуалистической системы были заложены уже тогда. При Иосифе II, любившем называть себя слугой государства, сильно выросла роль административного аппарата. Продуманная система бюрократии придала стройность и логику даже такому сложно устроенному государству, как габсбургская монархия. Административная карьера предоставляла возможность подняться по социальной лестнице образованным людям недворянского происхождения; гражданские и военные чиновники десятками тысяч мигрировали по стране, меняя место службы и донося в самые отдаленные уголки империи волю венского двора.

Пусть многие поляки, румыны, словаки или хорваты так никогда и не почувствовали себя настоящими австрийцами, но осознание общей судьбы стало в границах монархии весьма распространенным и превратилось в главный залог единства этого пестрого государства. В дунайской монархии долго не существовало другого языка науки и культуры, кроме немецкого (в западной части империи) и латыни (в Венгрии). Практически все работы по литературоведению, философии, астрономии вплоть до начала XIX столетия писались на этих двух язы-

ках. Образование получали в немецкоязычных университетах. Опорой для распространения немецкоязычной культуры становились существовавшие в регионе со Средних веков колонии немецких поселенцев. Но и без их участия большинство хоть сколько-нибудь значимых городов страны Габсбургов оставались в немалой мере немецкими. Исключение составляли земли на севере Италии и (в меньшей степени) на юге Польши, где городская культура еще до прихода Габсбургов закрепила национальный характер.

Реформы терезианской и йозефинской эпох – отмена многих крепостных повинностей, введение всеобщего начального образования, модернизация армии и государственных институтов, попытка придать немецкому статус единого административного языка, – с одной стороны, сплачивали “наследственные земли”, придавая им облик единой державы, а с другой, наоборот, пробуждали центробежные тенденции, которые проявлялись как в консервативной (борьба венгерской шляхты за отмену реформ Иосифа II), так и в прогрессистской форме. Габсбурги видели в “своих” народах лишь подданных, пусть и говорящих на разных языках. “Быть австрийцем означало быть свободным от своей национальности, вернее, это означало – не иметь национальности”, – писал историк. И все же многие из подданных Габсбургов уже ощущали принадлежность к тому или иному народу как особую форму лояльности, на фоне которой могла отступить на задний план и верность государю. Так рождался национализм, приведший в конце концов дунайскую монархию к краху.

Зрелость монархии

На пороге XIX века государство Габсбургов ждали новые преобразования. В 1804 году римско-германский император Франц II присвоил себе ранее не существовавший титул императора австрийского и в этом качестве стал Францем I. Мера была вынужденной: Габсбурги терпели поражения в войнах с наполеоновской Францией. Влияние Бонапарта в княжествах западной и южной Германии возросло, а Священная Римская империя окончательно превратилась в призрак. В 1806 году процесс достиг логического завершения: Франция объединила немецких вассалов в Рейнский союз, Наполеон провозгласил себя его протектором, а несчастный Франц II сложил римско-германскую корону. Габсбургско-лотарингская династия сохранила императорский титул, но уже другой – австрийский, ею самой для себя изобретенный. Как пишет австрийский историк и правовед Валентин Урфус, *“новый титул был титулом династическим, а не государственно-правовым, он принадлежал государю, но не обозначал государства. Речь шла лишь о том, чтобы Габсбурги оставались императорами и после исчезновения Священной Римской империи. Новый титул ничего не изменил в государственно-правовом положении стран, входивших в габсбургскую монархию”*. Тем не менее в восприятии как подданных Австрийского дома, так и иностранцев “наследственные земли” после 1804 года во все большей степени становились единым государством – Австрийской империей.

Консервативному императору Францу это было на руку: он укреплял бюрократический аппарат, от греха подальше больше двух десятилетий не собирал венгерский сейм, а сейм чешский, равно как и сословные собрания других провинций, низвел до совершенного политического ничтожества. После того как Австрия и ее союзники наконец добились победы над Наполеоном, стараниями могущественного канцлера Клеменса Меттерниха положение габсбургского государства в европейской политике заметно укрепилось. Внутренних преобразований Франц I сознательно избегал, сделав лейтмотивом письма-завещания сыну слова “Правь, ничего не меняя...”

Бесконечно загонять вглубь накопившиеся противоречия оказалось невозможным, и бурный 1848 год показал это со всей убедительностью. Массовые беспорядки произошли тогда в Вене и Праге, в Хорватии и итальянских владениях Габсбургов, даже в Галиции, а Венгрия взбунтовалась так, что для подавления революции Францу Иосифу пришлось призвать на помощь русские войска. Сложный характер империи проявился и в период кризиса. Венгерские революционеры во главе с Лайошем Кошутом выступали за радикальные социальные преобразования, но в национальном отношении оставались непреклонны: их программой была мадьяризация этнических меньшинств. Это вызвало противодействие хорватов, сербов, словаков, трансильванских румын. В результате практически все они встали на сторону императорской власти. Наиболее заметную роль сыграл хорватский бан (наместник) Иосип Елачич, торжественно объявивший о независимости хорватских провинций ²⁵ от Венгерского королевства и возглавивший в сентябре 1848 года поход на Венгрию. Войска Елачича приняли активное участие и в подавлении волнений в пригородах Вены, но его обращенный к соотечественникам манифест звучал почти революционно: “Как сын хорватской нации, как сторонник

²⁵ В 1102 году, после смерти последнего короля из династии Трпимировичей и десятилетнего периода нестабильности, до той поры независимые хорватские земли были объединены с Венгерским королевством личной унией. В 1526 году хорватское сословное собрание предложило престол Фердинанду I Габсбургу. В 1868-м, после заключения договора о разделении полномочий (*Naгодба*) с Венгрией, образовано Троединое королевство Хорватии, Славонии и Далмации. Де-юре частью этого государственного образования – Троедницы – считались и бывшие венецианские территории в Далмации, присоединенные к габсбургской монархии в 1797 году и де-факто управлявшиеся из Вены на правах коронной земли. Некоторые области современной Хорватии непосредственно входили в состав Венгрии (Меджимурье и Баранья). Город Фиуме (Риека) подчинялся Будапешту на основании приложения к Нагодбе – акту, определившему положение Хорватии и Славонии в составе Венгерского королевства.

свободы, как подданный я предан конституционному императору, я желаю великой, свободной Австрии”. Через два десятилетия в Аграме (Загребе) Елачичу установили конный памятник: воинственный бан воздел саблю, которая, как гласит легенда, указывала точно на северо-восток, в сторону Будапешта. Впоследствии статую политкорректно развернули лицом к югу.

Площадь бана Елачича в Аграме (Загребе). Фото. 1880 год

Венгерскую революцию подавили, но и побежденные, и многие победители остались ни с чем. Как отмечает чешский историк Ян Рыхлик, в развернувшихся в XIX столетии спорах и конфликтах “было невозможно одновременно удовлетворить национальные амбиции каждого народа, так что в конце концов недовольны монархией оказались все”. По мере развития национальных движений их идеалом становилась широкая автономия, от которой оставался лишь один шаг к государственности, а это означало бы гибель империи. Кроме того, народы монархии обладали неодинаковым уровнем политико-государственного, социально-экономического и культурного развития. Достаточно сравнить промышленно развитые области – Нижнюю Австрию и Богемию – с аграрными районами Восточной Галиции и Закарпатья, население которых и в конце XIX века оставалось почти поголовно неграмотным. Различным было и “качество” местных элит. Габсбурги привыкли опираться прежде всего на подданных из передовых областей империи, что означало крен в государственном управлении в пользу австро-немцев, венгров, польской шляхты, немецкоязычных выходцев из Богемии. Это вызвало недовольство сформировавшейся национальной элиты остальных народов.

В 1850-е годы Вена предприняла последнюю попытку реализовать мечту Иосифа II о централизованном государстве, управляемом немецкоязычной бюрократией, мечту об империи, все жители которой чувствовали бы себя в первую очередь “австрийцами”, подданными габсбургского государя, и только потом – представителями того или иного народа. Такой стала консервативная политика “баховского абсолютизма” (по имени императорского министра внутренних дел Александра Баха, некогда революционера, вышедшего в 1848 году на баррикады в Вене). Но к началу 1860-х стало ясно, что прежние методы управления не срабатывают, а лояльными “австрийцами” готовы быть далеко не все. Перемены становились неизбежными.

Задачи, не решенные революцией 1848 года, следовало решать эволюционным, реформаторским путем.

Осенью 1860-го император поставил подпись под документом, известным как Октябрьский диплом. Этот закон расширял права провинциальных сословных собраний, но был далек от реального парламентаризма. Попытка оказалась не слишком удачной: даже в Венгрии, где были восстановлены автономия, сейм и официальный статус венгерского языка, Октябрьский диплом не вызвал восторга. Данный документ сохранял относительную самостоятельность Трансильвании и Хорватии, однако раздражены дипломом оказались все, хоть и по разным причинам: централисты и федералисты, консерваторы и либералы, немецкие и мадьярские, чешские и хорватские националисты. Через несколько месяцев, убедившись в несовершенстве принятого решения, Франц Иосиф резко сменил политику государства. 26 февраля 1861 года монарх подписал Февральский патент, который формально являлся приложением к Октябрьскому диплому, но фактически, как отмечал французский историк Жан Беранже, *“означал возврат к централизму, на сей раз под контролем парламентских ассамблей”*. Февральский патент предусматривал создание двухпалатного парламента – рейхсрата, члены которого избирались на основе высокого имущественного ценза. Права провинциальных органов, в том числе венгерского сейма, заметно урезались. Император сохранял за собой обширные полномочия, особенно в области обороны и внешней политики. Франц Иосиф имел все основания писать матери: *“Хотя теперь у нас будет какая-то парламентская жизнь, власть тем не менее остается в моих руках...”* Так или иначе, это был первый реальный опыт парламентаризма в истории империи Габсбургов.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

ФРАНТИШЕК ПАЛАЦКИЙ, чех из рода славянского

Франтишек Палацкий (1798–1876) был сыном учителя из Моравии. Много занимался самообразованием, читал и более или менее бегло говорил на 11 языках, в том числе и на русском. В молодости служил домашним учителем в знатных семьях. Литературные опыты Палацкого оказались не слишком удачными, но как историк он быстро завоевал авторитет. Главным трудом Палацкого считают многотомную “Историю чешского народа в Богемии и Моравии”, написанную по-немецки (под названием “История Богемии”) и затем переведенную самим автором (со значительными изменениями) на чешский язык. Палацкий вел просветительскую деятельность, поддерживал издание чешских книг и журналов. Активно участвовал в событиях 1848 года, выступая за бо́льшую

автономию чешских земель. Отказался участвовать в работе Франкфуртского парламента, пытавшегося объединить Германию на либеральных принципах, подчеркнув, что не считает себя немцем: “Я чех из рода славянского...” Разработал проект преобразования империи Габсбургов в федерацию равноправных государственных образований, выступал за усиление роли славян в политике дунайской монархии. В то же время придерживался принципов австрославизма, заявляя, что государство Габсбургов служит естественной защитой славян Центральной Европы от экспансии как Пруссии, так и России. В 1860-е годы был депутатом чешского земельного собрания (сейма), одним из лидеров “старочешской” партии. Палацкий пользовался огромной популярностью среди чехов, называвших его отцом народа. В современной Чехии улица или площадь Палацкого есть практически в каждом городе; его портрет изображен на купюре в 1000 чешских крон.

Наследство монархии

Переломным моментом в эволюции внутреннего устройства монархии стали 1860-е годы. Император и его советники столкнулись с двумя комплексами проблем. С одной стороны, речь шла о противоречии между властью государя и парламентаризмом, то есть о том, какую часть своих прав император мог уступить народным представителям без ущерба для основ государственности. С другой стороны, все более острым становилось противоречие между централизмом и регионализмом – следовало ответить на вопрос: какую часть полномочий Вена могла бы передать Будапешту, Праге, Загребу? Возникли своего рода оси политических координат, вокруг которых и было возможно строить разные комбинации. Но времени для спокойного испытания моделей управления у Франца Иосифа и его правительства не оказалось: неудачные войны 1859 и 1866 годов обострили внутривластную обстановку. Болезненной для Габсбургов была утрата итальянских провинций – Ломбардии, а затем и Венеции²⁶. После более чем трехвекового активного присутствия в Италии Австрийский дом бесславно покинул Апеннины, сохранив за собой лишь Южный Тироль да Триест с окрестностями.

²⁶ Ломбардия с некоторыми перерывами управлялась представителями испанской и австрийской ветвей габсбургской династии с XVI века. Венеция впервые вошла в состав государства Габсбургов в 1798 году, но в 1806-м стала составной частью наполеоновского Итальянского королевства. С 1815 года Венеция и Ломбардия совместно управлялись как австрийское владение, Ломбардо-Венецианское королевство. В 1859-м в результате военных поражений Габсбурги потеряли Ломбардию, а в 1866 году Венецию.

Франц Иосиф в короне святого Иштвана. Рисунок. 1867 год

Это было первое крупное поражение, которое нанес Габсбургам национализм. Борьба итальянских ирредентистов увенчалась успехом, как и предрекал в книге “Мои темницы” один из самых отчаянных карбонариев, писатель и драматург Сильвио Пеллико. Он в свое время целое десятилетие отсидел в замке Шпильберг в Брюнне (теперь Брно в Чехии), самой строгой габсбургской тюрьме; как раз она получила у европейских революционеров название “тюрьма народов”, поскольку здесь отбывали сроки “подрывные элементы” из разных уголков империи и даже из-за ее пределов. Воспоминания политзаключенного произвели столь сильное впечатление, что канцлер Меттерних жаловался: “Эта книга оказалась для Австрии чувствительнее военного поражения”.

К середине 1860-х годов на первый план снова вышла венгерская проблема. Переговоры между Веной и венгерскими политиками во главе с Ференцем Деаком и Дьюлой Андраши продолжались несколько лет. Венгры постепенно “дожимали” императора, который после поражения в войне с Пруссией отчаянно нуждался в прочной внутривосточной опоре. Такую опору обещали умеренные венгерские вожди, отказавшиеся (по крайней мере внешне) от радикализма Кошута. Они предлагали лояльность трону в обмен на восстановление статуса Венгерского королевства как почти самостоятельной державы, связанной с остальными землями Габсбургов особой государя и еще некоторыми не слишком прочными узами. О том, что это будут за узы, и шел торг. Весной 1867-го наконец был принят специальный закон из 69 статей. Летом того же года в Будапеште состоялась коронация Франца Иосифа в качестве венгерского короля, а в декабре был утвержден новый свод законов монархии, который сформулировал основные принципы ее устройства и фактически являлся конституцией новорожденной Австро-Венгрии.

Декабрьская конституция закрепляла основные гражданские права и свободы и равенство подданных императора-короля перед законом. Франц Иосиф волей истории стал самым последовательным либеральным реформатором среди Габсбургов. В этом отношении австро-венгерский монарх напоминает русского “царя-освободителя” Александра II, который тоже не был свободолобом по воспитанию и убеждениям молодости, но сделал для либеральных преобразований больше, чем кто-либо из его предшественников и преемников.

Что означал австро-венгерский компромисс – *Ausgleich*? Империя становилась двуединым (дуалистическим) государством, фактически – союзом двух государств, и каждое обладало широкими правами в сфере внутренних дел, имело собственный парламент и ответственное перед ним правительство. Восточная часть Австро-Венгрии именовалась Венгерским королевством, с западной же дело обстояло сложнее. Официальное ее название звучало громоздко: “Земли, представленные в Имперском совете (рейхсрате)”. Это был очень пестрый конгломерат, в который входили нынешние Австрия, Чехия, Словения, принадлежавшие Габсбургам регионы юга сегодняшней Польши и запада Украины (соответственно Западная и Восточная Галиция и Буковина), теперешние североитальянские территории вокруг Триеста, полуостров Истрия и далматинское побережье вплоть до нынешней Черногории. В обиходе все эти провинции вместе обычно называли Австрией или же Цислейтанией, то есть землями, лежащими по “эту” сторону реки Лейты. Ничем не примечательная тихая речушка, правый приток Дуная, на одном из участков разделяла западную и восточную части империи. А Венгрию называли Транслейтанией – “лежащей за Лейтой”.

Государственное единство обеспечивалось особой австрийского императора (он же – апостолический венгерский король), который был верховным главнокомандующим вооруженных сил, определял характер внешней политики и контролировал деятельность трех общих министерств Австро-Венгрии – военного, финансов и иностранных дел. Государь обладал также правом “предварительной санкции”, согласно которому правительственные законопроекты могли обсуждаться парламентами обеих частей монархии только с его согласия. В исключительных случаях император и правительство получали право управлять западной частью страны (к Венгрии это не относилось) и без парламента, что впоследствии неоднократно случалось во время политических кризисов и в годы Первой мировой войны. Для общих финансов установили квоту, которая учитывала различную экономическую структуру габсбургских земель и предполагала неравные налоговые поступления: Венгрия вносила в бюджет 30 %, Австрия – 70 %. Совместные дела половинок монархии обсуждались на совещаниях так называемых делегаций – уполномоченных, выбранных парламентами Цислейтании и Транслейтании. Эти же делегации каждые десять лет договаривались о новых условиях финансового соглашения; за полвека существования Австро-Венгрии они изменялись, но не слишком радикально.

Историки до сих пор не пришли к однозначному выводу, чем стал компромисс 1867 года для государства Габсбургов – разумной мерой, подарившей монархии почти полвека мирной и довольно благополучной жизни, или же шагом к катастрофе? Вот мнения нескольких авторитетных исследователей. Барбара Джелавич (США): “*Ausgleich* был огромной победой венгров, хотя и не удовлетворил требования сторонников полной независимости. Преобладание венгерских интересов было особенно очевидным во внешней политике”. Ласло Петер (Венгрия): “Поскольку государь был верховным главнокомандующим армии, которая в правовом смысле оставалась в большинстве случаев вне рамок, очерченных конституцией, Франц Иосиф располагал свободой действий во всех государственных вопросах”. А. Дж. П. Тейлор (Великобритания): “Монарх отказался от части своих контрольных функций в области текущих внутренних дел, но по-прежнему располагал высшей властью <...> Многие проблемы, оставшиеся неразрешенными, давали ему возможности для маневра”. А вот не менее авторитетный голос из прошлого – Лайош Кошут писал из ссылки: “Дело самоопределения Венгрии сильно пострадало из-за ее подключения к внешнеполитическим замыслам, которые могут противоречить национальным интересам и <...> подтолкнуть страну к конфликту как с мощными державами, защиты от которых искал Деак, так и с соседними народами”.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

ФЕРЕНЦ ДЕАК, отец дуализма

Ференц Деак (1803–1876) принадлежал к знатной венгерской семье. В молодости занимался адвокатской практикой, получил популярность благодаря сочувствию к неимущим. Депутат венгерского парламента, Деак выступил за радикальные реформы, освободил своих крестьян от крепостных повинностей и стал добровольно платить налоги, считая освобождение дворян от податей несправедливым. Во время революции 1848–1849 годов

он, однако, занял умеренную позицию и пытался примирить венгерскую элиту с габсбургским двором. Когда это не удалось, Деак уехал в свое имение и несколько лет воздерживался от участия в политике, что, в частности, позволило ему избежать наказания после разгрома революции. Современники Деака отмечали его аналитический ум, уравновешенность, любовь к компромиссам и некоторую склонность к лени. В 1850-е годы грузная фигура Деака стала символом пассивного сопротивления венгров неоабсолютистскому режиму. В следующем десятилетии он возглавил группу венгерских политиков и юристов, разработавшую проект преобразований, который лег в основу компромисса между Венной и Будапештом. Деак не претендовал на первые роли в политике, уступив пост венгерского премьер-министра Дьюле Андраши. Умеренность, основательность и реформистские взгляды Деака вызывали неудовольствие как консерваторов, так и радикалов, но в то же время снискали ему народное уважение.

Проблема, как нам кажется, заключалась скорее не в громоздкой административной схеме дуализма и не в том, что Венгерское королевство получило в рамках Австро-Венгрии широкую автономию, какой у него не было за все время правления Габсбургов. Загвоздка была в другом. *Ausgleich* поставил Венгрию и венгров выше других земель и народов монархии, тоже обладавших древней традицией государственности. Неудивительно, что чешские представители принялись настаивать: император должен короноваться в качестве чешского короля – так же, как он короновался в качестве короля венгерского. В 1871 году стороны едва не пришли к соглашению: венское правительство подготовило проект так называемых Фундаментальных статей, согласно которым земли короны святого Вацлава (Богемия, Моравия и чешская часть Силезии) должны были получить автономию, сопоставимую с предоставленной землям короны святого Иштвана, то есть Венгрии. Однако яростное сопротивление венгров (они боялись, что автономии потребуют и подвластные им народы), австрийских и части богемских немцев (опасавшихся усиления чехов) привело к тому, что император дал задний ход. Фундаментальные статьи отложили в долгий ящик. Чехи не забыли обиду: именно с 1871 года начались заметное охлаждение чешской элиты, а постепенно и более широких слоев населения к династии и монархии и отход от принципов австрославизма, пропагандировавшихся Палацким. Дошло даже до того, что группа чешских националистов в знак протеста напечатала текст Фундаментальных статей на туалетной бумаге. А Франц Иосиф, как и его преемник Карл, в Праге не короновался.

“Половины” монархии были устроены по-разному, их правящие круги проводили различную политику. Это имело серьезные последствия, прежде всего в национальном вопросе. Венгерский сейм уже в 1868 году одобрил на первый взгляд весьма демократичный Закон о правах национальностей, в котором национальным меньшинствам предоставлялась возможность свободного культурно-языкового развития, но при этом подчеркивалось наличие в Венгрии “единственной политической нации – неделимой венгерской, членами которой являются все граждане страны, к какой бы национальности они ни принадлежали”. На практике это означало мадьяризацию, причем возможность получить образование (кроме начального) на родном языке для словаков, сербов, румын, русинов максимально ограничивалась. На какое-либо восхождение по социальной лестнице подданный апостолического короля мог рассчитывать только при хорошем знании венгерского ²⁷, остававшегося единственным административным

²⁷ На рубеже XIX–XX веков венгерский был родным языком почти 90 % государственных служащих королевства. В то же время этим языком свободно владели лишь менее трети немаярских обитателей Транслейтании. Абсолютное большинство невенгров было лишено возможности сделать карьеру на государственной службе, чиновничий аппарат неизбежно воспринимался этими людьми как действующий в мадьярских интересах. Тем самым королевство отталкивало от себя значительную часть подданных, способствуя росту националистических настроений.

языком в Хорватии, Славонии, Воеводине, Словакии, Трансильвании – районах с явным преобладанием немадьярского населения.

Плакат просветительского общества Matica slovenská – “Выдающиеся словаки”. Литография Роберта Вейбезагла. Пешт, 1863 год

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

ИОСИП ШТРОССМАЙЕР, политик в сутане

Иосип Юрай Штроссмайер (1815–1905) был личностью своеобразной: хорват с немецкими корнями, католик, с уважением относившийся к православию, монархист, которому случалось вызывать недовольство самого императора. Высокообразованный выпускник Венского университета, дважды доктор философии и один раз – теологии, Штроссмайер большую часть жизни провел в провинциальном городке Джяково в Славонии, где служил епископом. С конца 1850-х годов активно участвовал в политической жизни, создал Хорватскую национальную партию. Был одним из идеологов иллиризма – концепции объединения населенных южными славянами (иллирами) земель габсбургской монархии под эгидой хорватов. Боролся за единство населенных хорватами территорий Транслейтании и Цислейтании – Славонии, Загорья, Кварнера, Далмации. Выступал за усиление роли славян в Австро-Венгрии. В начале 1880-х годов Штроссмайер ушел из политики. Епископ активно занимался культурно-просветительской деятельностью, основал множество

школ и библиотек. Многие историки считают, что именно в работах Штрессмайера впервые упомянут термин “Югославия”.

В середине XIX века венгерский был родным или обиходным языком для меньшинства (!) населения королевства – примерно 48 %. К 1910 году вследствие политики мадьяризации этот показатель вырос до 55 %²⁸. Тем не менее в некоторых провинциях, прежде всего в Словакии (или Верхней Венгрии, как ее тогда называли), последствия мадьяризаторской политики были налицо. Число начальных школ с обучением на словацком языке за три десятилетия снизилось в 3,5 раза; из 1664 государственных чиновников, работавших в 1910 году в словацких районах, лишь 24 были словаками, из 750 врачей – только 26.

²⁸ А вот как выглядела языковая картина по Австро-Венгрии в целом: немецкий язык в 1910 году называла обиходным четверть подданных, венгерский – 20 %, на чешском говорили 13 %, по-польски – 10 %, по-русински (это название габсбургская статистика распространяла на украинские и собственно русинские наречия Галиции и Закарпатья) – 8 %, по-румынски – 6 %, по-хорватски – 5 %, по-словацки и по-сербски – по 4 %, на словенском и итальянском языках – примерно по 3 % населения.

Камил Владислав Муттих. “Словацкая девушка”. Открытка. 1914 год

К культурно-языковому дисбалансу в королевстве добавлялся и политический. Венгерская политика оставалась прежде всего политикой дворянской. Шляхта гордилась венгерскими вольностями, сравнивала парламентские традиции своей страны с английскими, но старалась не замечать тот факт, что представительские институты Венгерского королевства основывались на вопиющей социальной и национальной несправедливости и дискриминации. В Венгрии сохранялся очень жесткий имущественный ценз, из-за которого на пороге XX века избирательным правом в стране обладало менее 7 % населения. После 1907 года, когда в Цислей-

тании право голоса стало всеобщим, контраст между двумя частями монархии оказался особенно резким. Этнические меньшинства Венгрии (за исключением хорватов) почти не были представлены в парламенте королевства. Участились случаи крестьянских выступлений и забастовок рабочих, возникли социалистические организации, добивавшиеся реформ экономического и политического устройства Венгрии; самые радикальные социалисты мечтали о революции. С другой стороны, усиливалось сопротивление национальных меньшинств. В 1895 году в Будапеште прошел Съезд немадьярских народов Венгрии, участники которого обратились к правительству с требованием автономии для всех народов Транслейтании. Наконец брожение затронуло и привилегированные слои, считавшие, что дуализм перестал быть выгодным Венгрии, а Вена во все большей степени вмешивается в дела королевства – особенно в вопросе комплектования армии и распределения финансового бремени.

Эти противоречия проявились во время затяжного политического кризиса 1904–1906 годов, в ходе которого Будапешт стал свидетелем всеобщей забастовки, 100-тысячных антиправительственных демонстраций, колоссальной драки в парламенте (в зале заседаний пришлось заменить мебель) и падения первого кабинета Иштвана Тисы, прозванного Железным Тисой. Сын Кальмана Тисы ²⁹ стал последним выдающимся политиком габсбургской Венгрии. Авторитарный государственный деятель, он, однако, не был чужд реформистским идеям в экономике и социальной сфере. Тиса выступал против введения всеобщего избирательного права, считая, что “демагоги сагируют крестьян, обладающих большинством голосов, и те при поддержке городских интеллектуалов приведут к власти группы, враждебные демократии”. Будущий опыт большевистской революции в Венгрии, как и другие события, например приход нацистов к власти в Германии, показал, что в суждениях “железного графа” имелся определенный резон, хотя жесткая защита Тисой консервативных позиций в конечном счете нанесла Венгрии серьезный урон.

Итогом венгерского кризиса стало заключенное в 1906 году политическое соглашение, которое иногда называют новым *Ausgleich*. Изменив детали государственного устройства, этот договор не затронул основы дуализма. С другой стороны, провалились попытки либеральной части венгерских политиков провести демократизацию. Франц Иосиф фактически обменял сохранение королевских прерогатив на неизменность основ политической системы Венгрии. Это представлялось венгерским консерваторам очень важным: они боялись реформаторских планов наследника престола, эрцгерцога Франца Фердинанда, известного неприязненным отношением к мадьярской элите и стремлением демонтировать дуалистическую схему. Железный Тиса, вернувшийся на пост премьер-министра в 1913 году, смог найти общий язык со старым императором-королем, но терпеть не мог наследника; эти чувства были взаимными. Как отмечает биограф эрцгерцога Ян Галандауэр, *“Франц Фердинанд ненавидел этих оппозиционных графов <...> Император, несомненно, желал сохранить единство страны, армии, внешней политики, но был склонен уступать венгерскому давлению. Он был стар, хотел покоя, да и в конце концов дуалистическое решение было его рук делом. У Франца Фердинанда же складывалось впечатление, что своими уступками ненавистным мадьярам император транжирит предназначенное ему, эрцгерцогу, наследство”*.

Возможно, именно поэтому внимание наследника престола привлекла вышедшая в 1906 году книга уроженца Трансильвании румына Аурела Поповича “Соединенные Штаты Великой Австрии”, в которой излагалась концепция федерализации государства Габсбургов

²⁹ Об элитарном характере венгерской политики свидетельствует и тот факт, что на высших постах в королевстве друг друга сменяли политики, принадлежавшие к узкому кругу нескольких влиятельных семей. Основными противниками Тисы-младшего выступали Дьюла Андраши-младший, сын бывшего премьер-министра и министра иностранных дел, и Ференц Кошут, сын лидера венгерской революции. Первый премьер-министр (позднее президент) Венгерской республики в 1918–1919 годах, “красный граф” Михай Карой также принадлежал к аристократической семье, представители которой в разные годы занимали высокие посты в парламенте и правительстве.

на принципах, более справедливых с точки зрения национальных чаяний отдельных народов. Попович предлагал разделить Австро-Венгрию на 15 равноправных автономных образований (штатов) по национально-территориальному принципу: 1) Немецкая Австрия, 2) Крайна, 3) Трентино, 4) Триест, 5) Чехия, 6) Немецкая Богемия, 7) Немецкая Моравия, 8) Венгрия, 9) Словакия, 10) Трансильвания, 11) Секейские земли ³⁰, 12) Воеводина, 13) Хорватия и Славония, 14) Западная Галиция, 15) Восточная Галиция. Управлять этой федерацией помимо императора должно было правительство из представителей отдельных штатов. Государственным языком “Соединенных Штатов Великой Австрии” предполагалось сделать немецкий, однако в отдельных штатах широко использовались бы местные языки. Главным проигравшим в результате такой гипотетической реформы стала бы Венгрия, хотя ее границы, предлагавшиеся Поповичем, все равно оказались более широкими, чем те, в рамки которых страну загнали после Первой мировой войны и в которых, с некоторыми изменениями, она существует по сей день.

Так далеко, как предлагал Попович, Франц Фердинанд заходить не хотел, но федералистский проект оказал на него заметное влияние. В 1910–1911 годах в окружении наследника разработали проект политических реформ, которые предполагалось осуществить сразу по восшествии на престол Франца II (это имя намеревался принять Франц Фердинанд в качестве императора). Краеугольным камнем преобразований должно было стать введение в Венгрии всеобщего избирательного права. По замыслу реформаторов, это привело бы к появлению в парламенте Венгерского королевства по меньшей мере 200 депутатов, представляющих национальные меньшинства, и тем самым – к резкому сужению политической базы мадьярского дворянства. Франц Фердинанд не был демократом, резкое расширение электората ему потребовалось, чтобы отказаться от ненавистного *Ausgleich*. Новый парламент, по мнению престолонаследника, мог бы заняться устранением старой системы органов венгерского местного самоуправления (комитатов), служивших опорой политической власти шляхты, реализацией требований национально-культурной автономии для этнических меньшинств, унификацией в армии и так далее.

Разработчики проекта, однако, не исключали возможность сопротивления со стороны националистически настроенной части венгерского общества, прежде всего дворянства. В таком случае, в полном соответствии с представлениями Франца Фердинанда об армии как опоре трона, предполагалось использование военной силы. Программа действий будущего Франца II предполагала два по сути противоположных варианта действий: конституционно-демократический (преобразование Венгрии путем либерализации ее политической системы) и авторитарно-силовой (фактическое повторение 1849 года, когда была подавлена венгерская революция). Из-за гибели наследника престола в 1914-м эти замыслы не были реализованы, но само существование проектов Франца Фердинанда говорит о том, что многие в Вене отдавали себе отчет: потенциал дуализма исчерпан, новые времена требуют более демократичных схем устройства многонациональной империи. В правящих кругах Будапешта этого не понимал почти никто, и после 1918 года Венгрии предстояло заплатить за такое непонимание высокую цену.

³⁰ Секеи (секели, секлеры) – родственная венграм субэтническая группа, ныне составляющая часть венгерского национального меньшинства в Румынии (примерно 650–700 тысяч человек). Секеи компактно проживают в нескольких областях на востоке Трансильвании. В средневековом Венгерском королевстве пользовались особым экономическим статусом. Самый знаменитый (правда, не существовавший в реальности) секей – заглавный герой романа ирландского писателя Брэма Стокера “Дракула”.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

ИВАН ФРАНКО, поэт-революционер

Иван Франко – украинский поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, журналист, историк, этнограф, экономист, общественный деятель. Владел несколькими языками, переводил с 14 языков. Родился в 1856 году в семье деревенского кузнеца. Закончил гимназию в Дрогобыче,

учился в Черновицком, а затем в Венском университетах, защитил диссертацию по философии. В молодости в качестве литературного языка пользовался языком – языком на основе украинской и русинской лексики с применением церковнославянской словообразовательной модели. В политических убеждениях Франко сочетались украинский национализм и социализм, поначалу радикальный. Императорская полиция несколько раз арестовывала молодого поэта за социалистическую агитацию. В последние годы жизни Франко осудил марксистское учение, но с консервативной частью украинского национального движения по-прежнему враждовал. Франко был одним из основателей Русско-украинской радикальной партии (1890) и Национально-демократической партии (1899); трижды баллотировался в депутаты рейхсрата и сейма Галиции, но неудачно. До 1906 года оставался одним из редакторов выходившего во Львове (Лемберге) “Литературно-научного вестника”. Франко был известен и за пределами Галиции, много публиковался в периодических изданиях Вены и Кракова. Его статья в венском журнале *Die Zeit* в 1897 году вызвала скандал: Франко нелицеприятно отозвался о классике польской литературы Адаме Мицкевиче, назвав его поэтом измены. Выступал за развитие самосознания украинцев, живущих как в Австро-Венгрии, так и в России, за отказ от использования самоназвания “русины”: “Мы должны научиться чувствовать себя украинцами – не галицкими, не буковинскими, а украинцами без социальных границ”. Писатель скончался в 1916 году во Львове. Полное собрание сочинений Франко – от поэм (“Смерть Каина”, “Моисей”) и пьес (“Украденное счастье”) до повестей (“Борислав смеется”, “Захар Беркут”), сказок (“Красная лиса”) и романов (“Перепутья”, “Лель и Полель”) – включает в себя почти 150 томов. В советское время в украинском литературном пантеоне Ивану Франко отводилось второе по значимости место после Тараса Шевченко. В 1962-м – в год его 300-летнего юбилея – город Станислав переименовали в Ивано-Франковск.

Впрочем, проблемы межнациональных отношений в габсбургском государстве не ограничивались одной лишь Венгрией. В Цислейтании хватало своих, не менее острых конфликтов. Народы западной части империи были равны, статья 19 императорского Основного закона, принятого в 1867 году, гласила: “Все народности империи обладают равными правами <...> Равенство всех общеупотребимых на данной территории языков в школах, административных учреждениях и общественной жизни признается государством. На территориях, где проживает несколько народностей, общественные институты и образовательные учреждения должны быть организованы так, чтобы каждая из народностей имела возможность получать образование на родном языке”. На практике реализация этого закона, а габсбургская администрация в большинстве случаев честно стремилась выполнять указания императора, сталкивалась с серьезными проблемами. Если самосознание так называемых “исторических” народов – австрийских немцев и галицийских поляков (равно как венгров и хорватов в Транслейтании) – опиралось на традиции древней государственности, то формирующиеся нации (словенцы, словаки, румыны, украинцы)³¹ такого опыта были лишены, их национальные элиты поначалу представляли собой лишь немногочисленные кружки разночинной интеллигенции. С тем бо́льшим рвением отста-

³¹ Особый случай представляли собой чехи. Традиции чешской государственности уходят корнями в IX–X века. Однако после поражения восстания богемских сословий против императора Фердинанда II (1620) Габсбурги целенаправленно лишали земли короны святого Вацлава административной самостоятельности. Одновременно шел процесс онемечивания местной элиты, так что к началу XIX столетия чешская аристократия была почти целиком немецкоязычной. Новая национальная элита складывалась в основном из представителей буржуазии и интеллигенции. Таким образом, чехи, формально принадлежа к “историческим” народам империи, фактически оказались близки к “молодым” нациям.

ивали эти народы свои права и протестовали против истинных или мнимых притеснений со стороны как имперской администрации, так и (главным образом) представителей “исторических” народов. Наиболее выразительным из таких конфликтов – и потенциально губительным для монархии – оказалось противостояние чехов и богемских и моравских (позднее неточно названных судетскими)³² немцев.

Юлиуш Коссак. “Император на балу в ратуше города Львова”. 1881 год

Этническая карта монархии была чрезвычайно пестрой, причем во многих районах имела место чересполосица, расселение разных народов вперемешку; четкие границы между областями обитания того или иного этноса часто невозможно было провести. Таких районов особенно много в чешских землях, где “перемешанными” оказались чехи и немцы; в Галиции с ее польским, украинским и еврейским населением; на Буковине, которая по этнической пестроте вообще представляла собой габсбургскую монархию в миниатюре: здесь вместе жили украинцы, поляки, румыны, немцы, евреи, русины... Характерно, что именно на Буковине габсбургская администрация ближе всего подошла к созданию эффективной модели многонационального общества, обеспечив всем основным национальностям пропорциональное представительство в местных выборных учреждениях.

³² Название “судетские немцы” как обозначение немецкого меньшинства в чешских землях появилось только в XX веке. Географически оно не отражало реальное расселение немцев в Богемии и Моравии. Немцы на протяжении почти 700 лет населяли не только Судеты – горный массив на границе Чехии и Германии, они жили на западе и юго-западе Богемии, на севере и юго-востоке Моравии, а также в большинстве крупных городов обеих земель. Численность судетских немцев к 1918 году составляла примерно 3 миллиона человек. В результате трагических событий 1930–1940-х годов судетские земли были присоединены к нацистской Германии, но после Второй мировой войны их вернули Чехословакии.

Другим примером такой модели стал “моравский компромисс” 1905 года: область поделили на районы, официальным языком в каждом из которых становился язык большинства, чешский или немецкий. Каждый взрослый обитатель Моравии регистрировался по месту жительства в соответствии с национальной принадлежностью. Таким образом, национальность, по выражению А. Дж. П. Тейлора, “*низводилась <...> до уровня некой личной характеристики – такой же, как, например, цвет волос*”, что должно было способствовать снижению межнациональной напряженности. Однако, как отмечает другой видный исследователь, Роберт Канн, “*хотя персональный подход к решению национального вопроса и был более тонким, чем национально-территориальная автономия, в долгосрочной перспективе он не мог стать способом достижения справедливости в отношениях между народами. Он имел слишком мало общего с национально-государственным самоопределением, о котором мечтали националисты*”.

ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ, сионист

Теодор Герцль родился в 1860 году в Пеште в богатой, не слишком религиозной еврейской немецкоязычной семье. Вскоре отец Герцля потерял свое состояние. После переезда обедневшей семьи в Вену в 1878 году Теодор поступил на юридический факультет университета. Недолго поработав в судах Вены и Зальцбурга, занялся журналистской и литературной деятельностью. Написал несколько пьес и рассказов, получил известность как автор газетных фельетонов. Активно продвигал идею ассимиляции австро-венгерского еврейства путем соглашения с Ватиканом: политическое и социальное равенство в обмен на обращение в христианство. Брак Герцля с дочерью богатого еврея-промышленника Юлией Нашауэр оказался несчастливым – из-за социального неравенства, несовпадения политических взглядов, но еще и потому, что Юлия страдала психическим расстройством. В 1891–1895 годах Герцль работал корреспондентом газеты *Neue Freie Presse* в Париже. В этот период он сформулировал идею образования еврейского государства. Сионизм (термин введен в обращение ранним идеологом еврейского движения, тоже австро-венгерским подданным, Натаном Бирнбаумом) в опубликованной в 1896 году в Вене книге “Еврейское государство” Герцль определил как национальное движение, созданное с целью возрождения еврейского народа на его исторической родине. В 1897-м на Всемирном сионистском конгрессе в Базеле, проведенном на средства жены Герцля, он был избран президентом Всемирной сионистской организации. В 1899 году создал Еврейское колонизационное общество с целью покупки земель в Палестине. В опубликованном в 1900-м утопическом романе “Старая новая земля” нарисовал картину идеального еврейского государства. В 1904 году Герцль скончался в городе Эдлах от болезни сердца, вызванной переутомлением. Жена пережила его на три года. Старшая дочь Герцля Паулина в 1930 году совершила самоубийство (по другой версии – умерла от передозировки наркотиков), в день похорон на ее могиле застрелился сын Герцля Ханс (он не разделял идеи отца и принял христианство). Младшая дочь Герцля Маргарет умерла в концлагере Терезин в 1943-м. Ее сын Стефан, убежденный сионист, воевал в годы Второй мировой в британской армии, а в 1946 году в состоянии депрессии бросился с моста в Вашингтоне. Останки Теодора Герцля и его родителей в 1946 году перезахоронены в Иерусалиме.

Особое положение в обеих частях габсбургской монархии занимали евреи. При Иосифе II евреям (прежде всего крещеным) предоставили основные гражданские права. После 1867 года евреи были окончательно уравнены с остальными подданными. Значительная часть этого меньшинства успешно ассимилировалась: многие уже считали себя не евреями, а немцами или венграми. Стремясь стать полноправными подданными монархии, евреи, как правило, “примыкали” к одной из двух наций, располагавших наибольшим политическим влиянием. Однако и здесь возникали противоречия. Как отмечает франко-венгерский историк Франсуа Фейтё, *“принятие немецкого языка и культуры было, возможно, само собой разумеющимся в Австрии или Германии, но в Чехии, Венгрии и Галиции оно принимало иной смысл. Евреи, решившиеся на*

такой шаг, представлялись естественными союзниками немцев против чехов, венгров, поляков. Так же обстояло дело с евреями, которые перенимали венгерскую культуру в Словакии, Трансильвании, Хорватии или Далмации: они делали это как бы против румынского, хорватского и т. п. большинства”.

Евреи в Вене. Фото. 1915 год

Для многих венгров и австро-немцев ассимилировавшиеся евреи не стали “своими”, многовековые предрассудки так просто не исчезают. Даже многочисленные венские или будапештские евреи – ремесленники, учителя, врачи, адвокаты, актеры, журналисты, – чувствовавшие себя естественно в немецкоязычной или мадьярской среде, находились между двух огней. Параллельно с ассимилированным, в основном буржуазно-интеллигентским еврейством крупных городов монархии, существовал и другой еврейский мир. Это были небогатые местечки Галиции, Буковины и Закарпатья, среда еврейских сельских и городских жителей со своеобразной культурой, глубокой религиозностью и уникальным, ныне почти исчезнувшим языком восточноевропейских евреев – идишем. Образ жизни пражанина Франца Кафки сильно отличался от образа жизни выходцев из еврейских местечек Галиции и Трансильвании (в их числе будущие нобелевские лауреаты Исаак Башевис-Зингер и Эли Визель).

Консерватизм и патриархальность социальной структуры, прежде всего в Венгрии (влиятельная аристократия, многочисленная небогатая мелкая шляхта, слабость национальной буржуазии), привели к тому, что многие торговые и финансовые операции, как и часть промышленности, оказались под контролем “иностранцев” – армян, греков и особенно евреев. *“Евреи были главным космополитическим элементом, объединявшим всю Центральную Европу”, – справедливо заметил чешский писатель Милан Кундера в эссе ‘Похищенный Запад, или Тра-*

гедия Центральной Европы', — *были ее интеллектуальным цементом, концентратом ее духа, созидателями ее духовного единства*”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.